

Камушки

Тамур Мал

Тамур Мал Камушки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70503718

SelfPub; 2024

Аннотация

Он – художник, потерявшийся в надуманных жизненных ориентирах, ей ещё нет восемнадцати, но жизненный ориентир определился. Судьба приготовила им много камней, за пазухой и под ногами, но молодым так хочется влюбиться...

Тамур Мал

Камушки

Часть 1

Татьяна Андреевна

1

Насыщенное ярким кобальтом небо к вечеру побледнело, на горизонте переходя к карминовому закату, и там же, по-верху, великий художник широкой малярной кистью мазанул как попало темно-фиолетовые разводы. «Грише понравилось бы», – подумала Татьяна Андреевна, кутаясь в вязаную паутинкой шаль скорей машинально, нежели страшась комаров или озябнуть. Просто вспоминалось лучше в коко-не, и мечталось тоже лучше в состоянии личного сосредоточения. Женщина даже решила прогуляться вечерком, чтобы, не отвлекаясь на бытовую суету, подумать о сыне подруги по дорожке до тропинки в лес, в котором тонуло вечернее небо. Сначала мелькнула мысль к пруду выйти, но не пошла – от него тянуло сыростью, загадочностью, а Татьяна Андреевна не любила пруд, избегала тайн и сырости. Лупелины поселились в усадьбе, что числилась за деревней Сучково, когда Тоне исполнилось тринадцать лет, Глаше – пять, а Веронике – четыре годика, и, значит, на дворе стоял... Ах, да какой

же тогда шёл год? Татьяна Андреевна не то чтобы собралась поностальгировать, занявшись подсчётом промелькнувших лет, – нет, как раз наоборот, она предпочитала без особой надобности не вспоминать былое: там достаточно набиралось тяжёлого и страшного, ведь во времена минувшие она состояла женой боевого офицера. Слава богу, теперь в отставке. Как шутили в узком семейном кругу, «до генерала не дослужился». Ушёл в отставку по состоянию здоровья. Это – официальная версия. В какой-то мере так оно и было... Получается, они перебрались в усадьбу двенадцать лет назад. Весь бум девяностых годов ещё маячил впереди... Глушь невероятная, да оно и лучше. Большой старый дом из камня в два этажа когда-то принадлежал казакам, долгое время стоял нежилой, зарос бурьяном, облупился, отсырел. Но место чудесное: пригорок, участок в сто соток. До ближайшего города от станции – сорок минут на автобусе, да до станции ещё добраться нужно. Ничего, жене военного офицера не привыкать. Обсушились, обустроились, дом отремонтировали. Сад вокруг, пруд, лес – места такие, что от красоты дух захватывает. Муж занялся разведением пчёл, чуть погодя – молочным животноводством заинтересовался, потом постепенно в сельское хозяйство углубился. Настолько удачно – он ведь у неё на все руки мастер и голова золотая, – что помаленьку и прибыль появилась. Теперь Лупелин – владелец ялинского агрокомплекса. Когда переезжали, привезли с собой родителей – и его, и её. Тогда ещё все живы бы-

ли. За прошедшие двенадцать лет остался с ними лишь Макар Ильич. . . А подсчитывать годы Татьяна Андреевна начала, чтобы понять, сколько же лет назад Гриша Савов гостил в Сучково. Случилось подобное всего единожды. В тот год, когда Тимофей Макарович ездил в Москву на встречу своих боевых товарищей, а она осталась, потому что дети, хозяйство, огород, у Вероники бронхит. Младшенькой тогда восемь лет исполнилось, а Тоне, получается, семнадцать, и Грише семнадцать – они ведь ровесники. Татьяна Андреевна глубоко вздохнула. Все думы о Грише болезненны. Они с его матерью с детства подруги, одноклассницы, и Костя, её будущий муж, учился с ними в одной школе, на год старше. Вместе выходили замуж, вместе забеременели, Тимофей тогда ещё не закончил военную академию. Рожали тоже почти одновременно, только в разных городах. Таня, помнится, хотела стать крёстной Грише, но не смогла, не успела приехать, сама на тот момент Тонию рожала. А потом и вовсе началась жизнь неоседлая. Но на лето, когда карапузикам чуть больше полутора лет исполнилось, выбралась к родителям в Н. Гриша тогда показался ей настолько очаровательным мальчиком, что женщина воскликнула: «Тоже хочу сыночка!», – а её подруга посмеивалась: «Хочу дочку!» Тоня не разговаривала составными фразами в это время, но выглядела румяной пухляшкой, которую очень нравилось мамочкам тискать. Гриша же кое-что говорил, например: «Мама», – и показывал на родительницу, а потом тыкал пальчиком в её по-

другу: «Мама Таня». Расстались осенью, решив встретиться следующим летом. Не получилось. И ещё через год не получилось. Получилось увидеться на Рождество – не важно, в каком году, Советский Союз пока существовал, будущее казалось радостным. Дети пошли в школу: Тоня – крупная здоровая девочка, очень весёлая и общительная, а Гриша – тоненький задумчивый мальчик, до удивления похожий на мать, а оттого такой близкий и родной. Уже тогда он любил прятаться в уголок с альбомом и красками и рисовал, рисовал, рисовал, пока мать не вытаскивала его оттуда, всего раз-малёванного, всплёскивая руками: «Ах, новая футболка!» Шустрая Тоня не давала другу рисовать, заставляла играть и бегать, Гриша её безропотно слушался, чем обе женщины довольствовались. После Рождества мама Таня с дочуркой уехали. Ещё через год родилась Глаша. Последний раз подруги виделись, когда за ребятами числилось по девять лет. Татьяна Андреевна с мужем и детьми проезжали через N к новому месту назначения. Встретились в городском парке, вместе погуляли какие-то два часа – вот и всё. Подруга носила ребёнка и шутила: «Может, девочка?» Ещё через пять месяцев она умерла от сердечного приступа, так и не родив, Гриша поступил в специальную художественную школу и переехал жить в интернат. Его отец уехал в Германию в командировку – как редкий специалист, – железный занавес к тому времени дрогнул – и там женился, а через два года погиб при невыясненных обстоятельствах. Опекун взял на себя

дядя – Татьяна Андреевна хорошо его помнила со студенческих лет как довольно легкомысленного молодого человека, предающегося удовольствиям праздного образа жизни. Когда Лупелины поселились в усадьбе, женщина съездила к мальчику, звала его жить к себе, но тот отказался – предстояло учиться. Они стали изредка (Гриша не любил эпистолярный жанр) переписываться, ещё реже – созваниваться. Татьяна Андреевна звала юного художника на лето погостить, но он приехал только в семнадцать лет, будучи в выпускном классе, и действительно провёл у них два месяца. Но это было так давно! Сейчас им с Тоней по двадцать пять, Тоня давно замужем и живёт в N, у неё двое детишек. Глаша скоро замуж выйдет – в Ялинске женихов хватает. А Гриша закончил академию художеств, сейчас снимает квартиру с такими же неустроенными друзьями, как сам, там выполняет заказы, пишет пейзажи, кое-как существует. Случилось, у Татьяны Андреевны уж очень разболелось за него сердце, да ещё вдобавок соскучилась по дочери и внукам, тогда ездила в N, навестила Гришу, однако вернулась в слезах и с ещё большей тяжестью на сердце. Трёхкомнатная квартира из старого фонда: в большой – мастерская, в двух других – кровати, раскладушки. Всё время народ: юноши, девушки вперемешку, все курят – дышать нечем. Какая-то девица картошку жарит, потом едят, пиво пьют. Спросила про дядю – плечами пожимает, года два не видел – совершеннолетний, опеку сняли. Просила приезжать – смеётся, мол, мне и здесь хорошо.

Это происходило полтора года назад. Дома начала молиться – да-да, только тогда, а раньше лишь записочки подавала – подолгу и со слезами, чтобы приехал к ним пожить. Стала звонить – первые мобильники к сему времени появились – когда ответит, когда нет. Наконец, сегодня сам звякнул, а то всё больше эсэмэсками общался, поздравлял с Пасхой да с Рождеством. «Ну что, мама Таня, примете меня, отпетого разбойника на месяцок-другой этюды пописать? Я помню, виды у вас весьма живописные!» Услышал Господь! «Приезжай, Гриша, мы всей семьёй будем рады тебе. На днях Тоня со своими детьми и мужем, а затем Вероника доберутся – вам веселее станется!»

2

К полудню субботы Гриша ожидаемо должен приехать. Встречать его собрались всем скопом. Сам хозяин – Лупелин Тимофей Макарович, ещё довольно крепкий мужчина, бывший военный, теперь преуспевающий бизнесмен, известный в городе Ялинске человек, сделавший ставку на сельское хозяйство, пчёл и молоко. Его отец – дед Макар, тоже бывший военный, а сейчас пенсионер и любитель-цветовод. Татьяна Андреевна, к своим сорока шести годам сохранившая ясный, приветливый взор и длинную, правда, вполовину седую и поредевшую косу. Старшая дочь – Антонина, всё такая же улыбчивая и румяная, как в детстве, но слегка располневшая, со своими детьми: сыном пяти лет и дочкой на год младше, и супругом. Муж привозил каждое лето их на

пару месяцев, а сам уезжал в город работать. Впрочем, Гриша иногда навещал их семью в N, приходил помыться и покушать; один раз и Тоня посетила его на квартире – мать очень просила, – но подробностями не поделилась, просто: «Жив, здоров, работает». Средняя дочь – Глафира, девица семнадцати лет, внешне ничем не примечательная, но любимая родителями за доброту и ласку, в последние годы единственная из дочерей жила с ними, так как младшая дочь Вероника, ученица далёкого хореографического училища, гостила лишь на каникулах. Последняя метила в красавицы в свои неполные шестнадцать, но уже казалась сама себе на уме, не внушая симпатий окружающим высокомерием и гордостью.

Поезд прибыл в Ялинск в 11:05. Встречать послали Петровича на повозке. Повозка сия слыла притчей во языцех для окрестностей и гордостью хозяина, приверженца всего экологически чистого, здорового, ретрозначимого, предпочитавшего машине лошадь с коляской – фаэтоном для нечестных передвижений, и снискавшего себе популярность такой эпатажностью. Петровича взяли на работу возницей и специалистом по хозяйственным делам. Жили они с женой одиноко в соседней деревушке Малино в пяти километрах от усадьбы и были просто незаменимы в быту Лупелиных.

Татьяна Андреевна очень волновалась, ожидая приезда Гриши, она в последние дни даже плохо спала, обдумывая без конца, как бы лучше устроить или, грубо говоря, сфаб-

риковать ситуацию, дабы юноша остался у них на «подольше». А потом ей вдруг начинало казаться, что Савов передумает, не приедет, и от таких мыслей тоже нервничала. Ходила и всех уговаривала отнестись к сироте ласково, снисходительно. Муж помалкивал добродушно, он прекрасно знал о слабости супруги к вышеупомянутому оболтусу и обещал помочь всем, чем сможет, дабы тот не лишился возможности воспользоваться оказанным ему вниманием. Вероника на все просьбы матери в ответ только хмыкала, делая вид, что ей неприятны хлопоты подобного рода. Гришу она помнила смутно как долговязого подростка, дружного со старшей сестрой, а их с Глашей, пожалуй, обижающего. Но теперь ей шестнадцать, она грациозна и, говорят, весьма красива – он должен поразиться, ведь художники любят улаживающий взор образ. Вероника надела джинсы «влип» и тонкую батистовую блузку, подчёркивающие элегантные преимущества её фигуры и вкуса в сравнении с сестриными примитивностями.

Глаша тоже помнила Гришу, и у неё имелись причины покрываться румянцем, но прошлое глубоко и далеко таилось внутри, а пока следовало проявить должное гостеприимство. Тоня просто ждала друга детства и искренне радовалась, что тот выбрался из «гнилой» квартиры от своих бесполезных, по её мнению, друзей.

Таким образом, когда кто-то крикнул: «Приехал!», – все, не исключая двух малышек, бросились на веранду и столпи-

лись в ожидании, лишь неугомонная мать выбежала на улицу. Вскоре появились трое: впереди – сияющая Татьяна Андреевна, за ней – нагруженный холстами, подрамниками и этюдником молодой человек, позади – Петрович, нагруженный тем, что не вместилось в руки прибывшего художника. На пороге гость и сопровождающие остановились, а так как с некоторыми не виделись очень давно, то почти заново стали знакомиться. Сия заминка, впрочем, не касалась детей, наскочивших на мужчину с криками: «Дядя Гриша приехал! А мы тебя уже три года ждём! Пойдём пить чай, бабушки пирогов напекли!» Детей оттащили, и немного смущённый молодой человек для начала поздоровался с хозяином, потом обнялся с Антониной и, наконец, обратил свой взор на младших барышень.

– Это, я полагаю, Вероника и Глафира?.. Ну что, Пушистик, узнаёшь меня?

Последняя фраза адресовалась средней сестре и вогнала ту в краску, ибо девушка абсолютно не ожидала, что он помнит, как называл её восемь лет тому назад, и что она-то как раз помнит великолепно.

Прошли в комнату. Стол уже стоял накрытым. Решили, что надо сразу пообедать и дать юноше отдохнуть, осмотреться. Помолились и сели. Гриша, правда, заявил, что он робеет от такого количества еды, но, когда хозяин предложил выпить рюмочку за встречу, не отказался. За столом немного поговорили о городе, о дороге, о творческих планах.

В планах – интенсивно писать этюды, что освежает взгляд, учит быстро работать и видеть свет. Но гость не хочет обременять хозяев заботой о своей персоне. «Вы же понимаете, Коко-Таня, я человек не режимный: пишу по ночам, ко мне приходят позировать, кроме того, всё пачкаю, пахнет красками и скипидаром. Такому неподобающему для подросткового поколения примеру лучше снять хибарку в деревне». Нет, ни в коем случае! Если он стесняется жить с ними в одном доме, у мужа есть отапливаемая печью мастерская прямо напротив, можно оттуда вынести барахло, превратив в жилое помещение и художественную подсобку одновременно. Решили после обеда оценить объём работ. Гриша ел хорошо, чем порадовал маму Таню, и очень хвалил пироги. Женщина нашла, что он повзрослел – в семнадцать совсем мальчик был – и уже не так похож на свою мать, хотя глаза остались те же, но что слишком худ и бледен.

Когда у гостей и хозяев в животах приятно потяжелело, а уничтожившие десерт дети от возбуждения расшалились, все пошли смотреть мастерскую и почти сразу же занялись выносом хлама в сарай. В этом деревянном довольно просторном прямоугольном помещении не имелось окон, но Гришу подобный факт не обескуражил. Стояло лето, днём он собирался писать на природе, а по вечерам в мастерской можно работать не с цветом, освещение позволяло. Для проветривания достаточно держать открытыми двери – и «тьфу» на комаров и мух. Почистили и протопили печь.

Юноша сам помыл полы. Дети, желая получить как можно больше впечатлений, вертелись под ногами. Им удалось один раз опрокинуть ведро с водой, разбить старую керосиновую лампу, найти санки с отломанной спинкой, по разу прокатиться у дяди на спине и немного на старом диване. Мужчины потащили было кровать, да молодой человек воспротивился – слишком шикарно и много места занимает, лучше раскладушку. Сошлись на старом диване, явленном дневному свету с тёмного чердака. Сам герой дня перенёс все свои творческие инструменты, материалы, вещи, холсты. Повесили рукомойник, Глаша сбегала за иконой и затеплила лампаду. Кажется, теперь можно жить. За всеми хлопотами прошло не менее трёх-четырёх часов, и Лупелиным настала пора собираться на вечернее богослужение. Не так далеко от Сучково находился недавно восстановленный мужской монастырь, а в Ялинске – храм, Петрович исправно возил то туда, то туда семейство на праздники и воскресную литургию. Гриша отказался присоединиться, сославшись на усталость с дороги. Он действительно устал. Точнее, был несколько огорошен избытком зелени, чистого воздуха и радушного приёма. Затхлая атмосфера города словно вытекала тонкой струйкой из организма, наполняющегося пьянящим кислородом, от которого с непривычки кружилась голова и хотелось спать. Новое жилище Грише понравилось. Ему претило селиться в доме на правах гостя, тем самым волновать своим постоянным присутствием и без того растревоженную

Татьяну Андреевну. А тут юноша вроде и рядом с ними, и отдельно. Сколько раньше не зазывала его мама Таня в Сучково, он долго не решался приехать. Гордость не позволяла принимать благодеяния. Теперь же денег немного заработал для независимости, да и спеси поубавилось.

3

Гриша приехал перед Троицей. Лето в тот год началось рано, к празднику всё вокруг пело, звенело, гудело. Берёзки выпустили нежную зелень, жёлтыми головками одуванчиков усеялось травянистое пространство, избежавшее культивации. Небо синело целыми днями до использования всего кобальта голубого, а бывало даже ультрамарина на палитре. Казалось, что здесь, в Ялинском районе, небесная канцелярия захотела напомнить людям о немифичности библейского рая. На Троицу Гриша решил поехать в храм, и, хотя во время службы пару раз выходил на улицу «подышать», не возроптал, даже постоял коллективно на коленях.

Через несколько дней муж Тони Савелий – солидный, но весьма добродушный мужчина лет тридцати – уехал в N, где его ждали на работе, и жизнь в усадьбе пошла размеренным чередом. Если не считать Тимофея Макаровича, рано утром отбывавшего по делам, и его супруги, провожающей благоверного со всей заботой христианского благочестия, все остальные просыпались по рабочим меркам поздно. Чай и лёгкий завтрак Любовь Дмитриевна, жена Петровича, пода-

вала к десяти часам. Впрочем, Глаша вставала гораздо раньше, почти вместе с матерью, но любила летнюю неторопливость: долго умываться, причёсываться, душевно помолиться, приготовить платье, иногда книжку до завтрака почитать. После девяти начинали носиться по дому дети, а вместе с ними просыпалось и оживало всё. Даже дед Макар спускался. Когда наставали тёплые дни, он любил сидеть в саду в тенёчке или ухаживать за цветами, которых всегда разводил к лету невероятное множество разных сортов. Дед Макар прошёл всю войну офицером, молитвами своих родителей остался жив и на склоне лет нашёл в себе совсем не военное призвание – выращивать левкой, розы, лилии, пионы, флоксы, гортензии и гладиолусы. Завтракали не спеша, порой женщины сразу начинали возиться с выпечкой – иногда Тоня стряпает, но чаще – мама. Глаша готовить не умела и не стремилась – её как-то не приучили к этому, хотя и не запрещали, но на кухне «генералила» Любовь Дмитриевна, она знала толк в постных и скромных блюдах, все оставались сыты и довольны. Гриша к завтраку никогда не приходил, поэтому остальные чувствовали себя в узком семейном кругу. Впрочем, Вероника любила поспать до полудня, после чай пила на кухне в одиночестве. Дальше шли прогулки, огород, на котором все считали себя обязанными поработать до пятнадцати часов, когда подавали большой сытный обед. На трапезу часто приходил Гриша – сам, или его звали, когда он работал у себя, забывая про время. Потом детей и дедушку укладывали

спать – тогда в усадьбе всё замолкало – наступал час-другой отдыха. К вечеру желающие пили кофе-какао да шли гулять за пределы усадьбы – в бор, на пруд или в город – до прохлады угасающего дня, до скромного ужина, который подавали в восемь вечера в летнее время на веранду. К Грише постепенно привыкли, и Татьяна Андреевна немного успокоилась – он не стремился пока уехать, даже не чуждался общения с её семьёй: обедал с ними, иногда ужинал и порой присоединялся к прогулочной компании. Особенно Гришу любили дети: он был добр к ним, прощал шалости, играл, катал на лодке, собирал землянику и мог почитать книжку. Глаша вспоминала, что в первый приезд юноши в усадьбу он, конечно, больше общался с Тоней и её друзьями-ровесниками из деревни, но их, девчонок – а ей шёл тогда десятый год, Веронике и того меньше, – развлекал: на той же лодке катал, приносил лукошками лесную малину, орехи. Глаше иногда казалось, что молодой человек не изменился с тех пор, каким она его запомнила – только вытянулся да в плечах раздался, а взгляд тот же, и улыбка.

Как-то раз, примерно недели две после приезда юноши, он, вернувшись с законченным пейзажем, писанным за три утра, направился к Лупелиным пообедать. На веранде столкнулся с незнакомым молодым человеком – пониже его ростом, плотного телосложения, с приглаженными волосами, одетого в элегантную тройку. Парадный вид гостя удивил Гришу. Провожала его мама Таня, она же их представила

друг другу. Виталий Егорович, однако, был, видимо, расстроен; слегка поклонившись, быстро произнёс: «Очень приятно. Всего доброго, до скорой встречи», – и вышел. Татьяна Андреевна с Гришей вернулись в гостиную. Вся семья, включая Тимофея Макаровича, находилась в сборе, но в смущённом молчании. Помолились, сели за стол. Гриша ничего не спрашивал. Отец невозмутимо вооружился вилкой и ножом для разделки аппетитно выглядевшего куска рыбы в кляре, Вероника поджала губы, Тоня улыбалась, дети вертелись, мама Таня и Глаша покраснелись, как помидоры. Оставаться в неведении относительно истинного положения дел стало невыносимо, Гриша не выдержал:

– У вас что-то случилось?

Тоня фыркнула, Глаша из красной сделалась пунцовой.

– Виталька свататься приходил, – услужливо отозвалась Вероника.

– К кому? – удивился Гриша.

– Как к кому? К Глаше, конечно.

Гриша перевёл вопрошающий взгляд на девушку. Так как дальше краснеть некуда, та сначала прикрыла лицо ладонью, потом соскочила и со словами: «Извините, я не могу...» – убежала в свою комнату.

– Но ведь ей ещё восемнадцати нет, – неуверенно произнёс Гриша.

– Вот именно. Мы так и объяснили Виталию Егоровичу, – постаралась спокойно ответить Татьяна Андреевна. –

Ей ещё рано об этом думать, всего год в медучилище.

– А он сказал, что подождёт и через год придёт, только бы Глафира Тимофеевна никому другому обещания не давала, – это уже Тоня добавила.

– А кто он, этот Виталий?

– Виталий Егорович – наш сосед по усадьбам. Они живут в сторону от Сучково, ближе к Грачкино. У его отца большая свиноферма, и они намерены расширяться.

– Перспективный жених, – хихикнула Вероника.

– Серьёзный, – перебила её мама, – очень серьёзный молодой человек, и намерения серьёзные. Давно ухаживает за Глафирой – не стоит пренебрегать подобным знакомством. Я бы успокоилась за дочь, если бы этот брак состоялся.

Во время вышеупомянутого разговора Тимофей Макарович многозначительно молчал. Замолчал и Гриша. Дальше обед не нарушался впечатлениями о сватовстве, если не считать того, что Татьяна Андреевна два раза вставала, подходила к двери Глашиной комнаты, поднимала руку, чтобы постучать, вздохнув, опускала и возвращалась на своё место.

4

Когда Антонина выходила замуж – между прочим, за человека хоть и молодого, но умеющего зарабатывать (ей тогда исполнилось девятнадцать, ему лет на пять больше) – отец имел разговор со своими дочерьми, во время которого во избежание возможных споров объявил свою волю: имеющуюся у него на данный момент наличность, движимую и недвижи-

мую, он поделит следующим образом. Одну из трёх равных частей отдаёт за Антониной, другие две будут ждать замужества младших. Дом и квартира родителей также шли в наследство двум дочерям. Усадьба в Сучково останется за той, которая согласится в ней жить. Антонина с семьёй решили обосноваться в N, где у мужа много работы; они приобрели в престижном районе приличную квартиру, она могла позволить себе не работать, заниматься чадушками. Два раза в год, на лето и Рождество, Ильина с детьми гостила в усадьбе, изредка к ним присоединялся отец семейства. Если Глафира выйдет замуж за Виталия, Лупелины будут вынуждены расстаться и с ней, а девушка – с усадьбой, ведь у Хамченко своя ферма, свой хороший дом, им требуется хозяйка, работница. Татьяне Андреевне и Тимофею Макаровичу жаль отдавать любимицу, хотя партия видится для неё выгодной, будущее безбедным. Глаша любила усадьбу, любила деревню, заботилась о родителях, старалась приветливо общаться со всеми окружающими. Вероника же отличалась противоположными качествами души. Обещая стать в скором времени видной невестой, она унаследовала от матери гармоничную внешность, от отца – практическую жилку, руководствовалась расчётом: «А что мне это даст?» Деревню не любила, брезговала огородом и скотинкой, на родителей смотрела с чувством досады (даже не знают, кто «Баядерку» поставил) и можно ожидать, что, получи она в наследство усадьбу, поскорее сбыла бы её с рук. Впрочем, родители, как всегда, на-

деялись, что Господь управит и младшая дочь с возрастом изменится в лучшую сторону.

Виталий заметил Глашу ещё два года назад, когда они семьёй приехали с капиталцем в сии края. Капиталец, правда, шушукаются, был нажит ваучерами, но тем не менее намерения у Хамченко предполагались благие. Для фермеров в то время открылась благоприятная ниша, и они довольно успешно развернули своё дело. Юноша не блистал умом и привлекательной внешностью, спокойно отучился в школе на тройки-четвёрки, имел склонность к округлости в области брюшных мышц и мясистый нос, но был, видимо, практичен (в смысле, не витал в облаках), разумен и добросердечен. Родители настоятельно советовали ему жениться и желательно на молодой (чтобы не дурила) да трудолюбивой.

Виталик огляделся вокруг и увидел Глашу. Тоже не красавица, скромная и в меру весёлая. Младше на шесть лет. То, что надо! Он начал ухаживать. Глаша не поняла. Поняли родители. Татьяна Андреевна попыталась объяснить дочери, что происходит, но та понимать отказывалась: ведь она школьница, и вообще... Что означает «вообще», Глаша сама затруднялась объяснить. Для этого следовало мысленно вернуться назад в то время, когда её девятилетнее детство сияло всеми красками беззаботной жизни, когда у них в Сучково гостевал Гриша Савов, ученик школы при академии художеств, друг Тони, худой нескладный парнишка, выглядевший гораздо младше своих семнадцати лет, с лучистыми гла-

зами и доброй улыбкой. Тогда он жил в доме, все дни пропадал с Тоней и друзьями в лесу, на пруду, на дальнем озере, в деревне, на рыбалке, в походах, на мопедах, на лошадях и даже на местных танцульках. Иногда брали их с Вероникой, иногда её одну (потому что Вероника много плакала). Однажды вдвоём с Гришей они ждали на берегу озера всю компанию. «Хочешь, прокачу?» – кивнул он на лодку. Лодка принадлежала Тимуру, местному, и тот не всем разрешал кататься, но Грише разрешал. «Хочу». Мальчик посадил её в лодку, сам взялся за вёсла, и они поплыли. Жизнь показалась яркой и радостной. Они о чём-то говорили: помнится, он спрашивал, почему она вяжет, а не рисует, и называл Пушистиком – волосы от природы густые стояли шариком на голове, так как мама их неудачно подстригла тем летом. Когда приставали к берегу, Гриша перенёс её на сухое место, потому что она обулась в сандалии, и, неожиданно поцеловав в губы, полушутя добавил: «Вырастешь – женюсь». Таков получился её первый и единственный пока поцелуй. Конечно, Глаша не думала, что со стороны юноши – это серьёзно, скорее всего, наоборот, простая насмешка над маленькой глупенькой девчонкой с доверчивым выражением лица, но... поцелуй не забыла. Откуда-то в такой незрелой личности столбилось убеждение, что поцелуями не шутят. Все эти годы она слушала мамины сетования на неудачную жизнь сына любимой подруги и в подобных пересудах испытывала своего рода необходимость. Она не надеялась на

то, что Гриша на ней когда-нибудь действительно женится, но трепетно хранила воспоминание. Единственная во всём мире глупышка. От мамы слышала, что у Гриши есть девушка в городе – «девица» – она видела её на квартире – всё равно. Возможно, с годами это чувство пройдёт. Возможно, ей просто ещё не встретился тот единственный, дорогой и любимый, самый настоящий, поэтому пока в сердце жил тот полудетский поцелуй, пока теплился её секрет, её душевное сокровище.

5

Лето входило в зенит. Воздух в Сучково пьянил. Пахло всё, что цвело и не цвело, а летало такое множество насекомых и птиц, что даже старожилы не всех «в лицо» знали. Гриша, Вероника, Тоня и её дети порозовели, посвежели, заблестели глазками. Здоровый свежий воздух и деревенское питание: в пост – овощи и зелень, фрукты, ягоды, грибы и рыба, в скоромные дни – молоко, яйца, фермерское мясо – делали своё дело благое. Все загорели. Малыши бегали в трусах да панамках и вскоре стали белобрысыми «краснокожими». С ними все понемногу играли, гуляли – Тоня, Глаша, Гриша, бабушка. Особенно полюбилось детям времяпрепровождение с юношей – они перевоплощались в разбойников, индейцев, капитана Немо и Человека-паука. Гриша возился с ними добровольно, и дети жалели лишь о том, что почти ежедневно «дядя» уходил на этюды и не мог проводить с ними все дни напролёт, да в свою мастерскую их не пускал,

только на пороге постоять – а ведь так интересно потрогать и поковырять! Вероника пряталась от солнца – ей в хореографическое училище ни к чему возвращаться «негритоской», так и в танец могли не поставить. Но от лишних килограммов не удавалось уберечься, уж очень вкусно готовили мама с Тоней. Буквально за месяц окреп и Гриша – от рубки дров, походов в лес и физической работы на огороде, так что Татьяна Андреевна потихоньку от него в кругу семьи приговаривала: «А наш-то какой стал: загорел, поправился – смотреть приятно!»

Хоть и хорошо летом в усадьбе, родители решили послать Глашу на месяцок на море, в Тамань, где жила её двоюродная тётя Рита – они исходили из того, что пора ребёнку мир поглядеть. Её проводили в двадцатых числах июля. Мужа Антонины ждали к празднику Целителя Пантелеимона, все ходили на источник в этот день, потом он гостил неделю и увозил своих в N – соскучился, и в квартире бардак. Вероника оставалась до конца лета. Гриша о своих планах пока молчал. У него появилось новое увлечение, он, к удивлению окружающих, стал помогать Макару Ильичу возиться с цветами. Старик пытался желанием, но силы его на девятом десятке иссякли, и здоровье пошатнулось, а так как характер его никогда не отличался покладистостью – только покойная жена умела с ним управляться, – то и угодить деду было непросто; с Гришей же они нашли общий язык, вместе сажали, ухаживали – домашние только руками разводили в недоумении.

Где-то в начале августа, когда Глашу ещё не ожидали, а Савелия уже ожидали, Татьяна Андреевна позвала Гришу попить чай вдвоём. Старшая дочь с детьми решили прибахлиться – обносились за лето, – и Петрович повёз их в город.

– Честно, Гришаня, скажи: хорошо тебе у нас?

– Хорошо, мама Таня, спасибо за приют, за заботу.

– Оставайся на осень, оставайся на зиму. Мне спокойнее, когда ты рядом.

– Нахлебником? Не могу, и так уж задарма два месяца хлеб ем.

Татьяна Андреевна улыбнулась:

– Не так уж и много съедаешь, раз в день трапезничаешь. Глупости. Сколько помогаешь: дети счастливы, дед Макар при деле, дрова порублены. Но суть не в этом. Ты же друг нашей семьи. Я очень хочу, чтобы друг остался. Даже если станешь зарабатывать, нам ничего не нужно. Мы не бедны, а вот ты – сирота. Я честно, Гриша, говорю – мне спокойнее, когда все рядом. Как я извелась, пока ты жил в N на этой жуткой квартире! Лёгкие деньги, выпивка, девчонки – правда, Гриш?

– Вы всё знаете, мам Тань...

– Я ведь так люблю твою маму, и словно чувствую, как она за тебя переживает и молится...

Помолчали.

– Ведь я, мама Таня, нелёгкий человек. Может, когда-то

трепетал душой, да жизнь внесла свои коррективы, и теперь это моя стезя, я привык. Даже нравится: сам по себе, что хочу, то ворочу. А на самом дне бывает весело... отвечать не перед кем, жизнь холостая и без родителей. Ведь не женился, да и не женюсь, пожалуй, хотя было на ком – вы в курсе, лицезрели Верусю. Я потерял чистоту души и помыслов, а совесть не заела. Боюсь, здесь, рядом, вам ещё тяжелее видеть в кого я превратился.

– Нет-нет, Гриша, ты ошибаешься...

– Неужели оставите меня, такого?

– Думаешь, откажусь? – вызвав на откровенность своего любимца, Татьяна Андреевна тоже настроилась на полную искренность. – Если ты уедешь, будет хуже. Рисовать и у нас можно; думаю, реально что-то продается – с Тимофеем Макарычем посоветоваться надо. А насчёт твоей свободной холостой жизни – что ж, я тебе не судья и не мать, хоть ты меня мамой Таней называешь. Указывать не берусь – живи, как привык. Но дочек моих люби по-братски. С Антониной всё ясно – она составила своё счастье частного человека, а Глаша с Вероникой – девчонки совсем, ты же парнишка видный, льнут они к тебе. Не подведи, им женихи нужны надёжные – при том, чем раньше, тем лучше. У Глаши Виталик есть, а не он, так другого найдём, вон у Владислава Семёновича четыре кавалера подрастают. С Вероникой сложнее, она с норовом и всё в город, наивная, зрит – это я виновата, сглупила, повезла её в хореографическое училище поступать – сама

ведь в детстве мечтала балериной стать. Но ничего, бог даст, выдадим удачно замуж и её. Если определишься им братом – оставайся, не укорю ни в чём другом.

Забыв про чай, Гриша сидел, потупив взор, и лишь изредка бросал пристально-испытующий взгляд на Татьяну Андреевну.

– Это то, чем я могу отблагодарить вас с Тимофеем Макаровичем за приют, за заботу? Что ж, разумно и естественно. Я действительно испытываю, пожалуй, лучшие чувства, которые мне доступны, ко всем вашим дочуркам. Пусть живут спокойно и ищут достойных женихов. Я пока останусь. Попробую найти рынок сбыта в Ялинске, а если не повезёт, отправлюсь в N – там моим работам всегда находится место. Впрочем, могу кирпичи таскать – самая верная вещь.

– И это говорит художник!

– Вы зря думаете обо мне так благородно. Я не ищу божьего промысла о своей судьбе. И нищенское существование, и многомесячное отсутствие заказов очень спускают с небес, снижают амбиции любого рода. Уж что-что, а это я к своим двадцати пяти годам хорошо усвоил...

Гриша

Часть 2

Захоти Савов сейчас уехать, так не на что. Заработав в N кое-какие деньги, он за лето практически всё спустил. На питание молодой человек тратил мало (так, чай, кофе, батон, колбаса), в усадьбе всегда щедрились его накормить, и, не будучи привередливым, он мог с осторожной расчётливостью протянуть зиму. Но для работы на природе возникла необходимость приобрести крепкую надёжную одежду и обувь, а для длительных этюдов, походов в лес – лёгкую и тёплую экипировку. Пришлось ездить за художественными материалами: красками, разбавителями, лаками, заказывать рамы для работ – ведь их надо продавать, – да холстов с подрамниками пришлось докупать. Заказов, естественно, не было, и настала пора серьёзно подумать о рынке сбыта. Несколько хороших картин он оставил в N Максиму, содержащему престижную лавку художника в центре города – тот обычно брал у Гриши товар охотно, пейзажи шустро расходились, да и работы бытового жанра тоже, но ехать сейчас в N считалось несвоевременным. Будучи в Ялинске, Гриша вёл разведку. Оказалось, магазина или лавки художника в городе нет! Художники типа числились, но занимались кто чем, изворачивались соразмерно обстоятельствам. Имелась частная гостиница, при которой выставлялись некоторые живописцы: покровительницей, меценатом и творческой комиссией в одном лице являлась хозяйка сего заведения – некая Аделаида Марковна. С ней и решил встретиться Гриша. Он взял с собой четыре пейзажа, сел в автобус и поехал в Ялинск к де-

вятнадцати часам, так как именно в это время, сказали, хозяйку легче застать в гостинице: «Спросите в баре примерно в семь-восемь вечера». Гостиница Грише понравилась: двухэтажное современное ухоженное здание, обсаженное цветами и кустарником. Уютный холл, по стенам – несколько пейзажей с видами местных достопримечательностей, выставочный зал с роялем и живописью средней руки. Во всём чувствовался вкус (правда, женский) и даже компетентность. Всё можно осмотреть, и вход в бар в подвале тоже свободный. Гриша спустился вниз, спросил у бармена Аделаиду Марковну. Тот поинтересовался зачем. Гриша объяснил. Понимающе кивнув, бармен оставил стойку коллеге, велел юноше обождать и вышел. Через три минуты вернулся и позвал молодого человека за собой. Они прошли по затемнённом коридору до боковой комнаты с витражными дверьми, куда Савов вошёл уже один. Он очутился в небольшом помещении с немного аляповатыми обоями и антикварной мебелью. В нём располагались трое, насколько мог сориентироваться Гриша: хозяйка и два амбала – похоже, телохранители или, если угодно, стражи порядка. Они сидели за низким столиком, ели мороженое, пили кофе и коньяк. «Похоже, я “вовремя”», – усмехнулся про себя наш герой. Женщина, а за ней две тени поднялись ему навстречу. Аделаида Марковна оказалась высокой эффектной рыжеволосой дамой лет тридцати пяти («Но возраст скрывает», – мелькнуло в голове посетителя), красивой, несколько раздурманенной то ли от

тепла, то ли от выпитого коньяка, но с холодным расчётливым взглядом. Лишь где-то в глубине их томной голубизны таилось нечто, похожее на тоску. Всё это Гриша заметил мгновенно острым глазом художника, словно сразу нарисовал её портрет. Он слегка поклонился. Представился Григорием Савовым, художником, сказал, что недавно в этих краях, что желал бы продавать свои картины и просит помочь освоиться в Ялинске – ему рекомендовали обратиться к Аделаиде Марковне. Молодой человек старался говорить просто, но учтиво, понимая, что именно в этой примадонне сейчас для него заключено всё его финансовое спасение. Видимо, такое обращение пришлось ей по душе, хозяйка выразила живой интерес. То, что перед ней художник, и вовсе приветствовалось – видимо, такова оказалась её слабинка. Пейзажи незамедлительно явились на обозрение и заслужили одобрение.

– Ну что ж, давайте присядем, поговорим, выпьем за удачное сотрудничество, – наконец предложила Аделаида и указала Грише на кресло. Еле заметным жестом она отослала амбалов, и они остались вдвоём. – Сколько же вы хотите получать за своё творчество?

Гриша только открыл рот, чтобы пояснить, сколько он получал за этюды в N и выразить готовность к компромиссу, как она засмеялась, обнажив ряд прекрасных белоснежных зубов:

– Молчите-молчите, подождите, я сейчас.

Аделаида встала, подошла к столу у окна, достала оттуда пачку денег и положила их перед Гришей.

– Здесь шестьдесят тысяч. Достаточно?

– Но... так сразу, и... в общем, достаточно, конечно...

– Берите-берите. Я покупаю у вас эти пейзажи. Я знаю толк в живописи и, думаю, что вы для меня находка, – Аделаида снова села напротив Гриши, нагнулась над столом, заглянув ему в лицо.

Он почувствовал, как краснеет, и, чтобы не застесняться, смело встретил её взгляд, пожалуй, чересчур откровенный для первой встречи.

7

Падение произошло столь быстро, что Гриша даже не успел задуматься. Аделаида показала себя весьма страстной женщиной. Она оказалась практичной, умной, богатой и в ялинской жизни по праву занимала значительное место. Немало деловых связей и бизнес-нитей сходилось к ней, а Аделаида Марковна умело управляла ими. Эта выдающаяся женщина подходящего мужчине под уровень своего интеллекта и художественного вкуса не могла найти. Либо мышцы, либо деньги. Поэтому Гриша действительно стал для неё находкой: молодой человек с чувством в глазах и огнём в душе, умный, но зависимый – его стоило хватать и держать при себе. Правда, на трезвую голову он стеснялся, но ведь она могла позволить пить дорогое коллекционное вино и ко-

ньяк, бутылка которого стоит как зарплата госслужащего, да и за живопись готова щедро платить. Сначала встречались и пили то в гостинице, то на квартире. Гриша первый месяц умудрялся ещё к ночи возвращаться в усадьбу, но потом стал пропадать на день-два. Дома, прочухавшись, брался писать, вытесняя накопленные смрадные ощущения колористическими задачами, писал целыми днями, на природе и в своей сараюшке, обедать не ходил и вообще не казал глаз никому из Лупелиных. Однажды, не дождавшись своего «милёнка», дама-патронесса сама прикатила к нему на «Феррари», и он начал писать с неё «обнажёнку» ей же в подарок. Тимофей Макарович хотел вмешаться, но Татьяна Андреевна уговорила не трогать Гришу, потому что лучше всех понимала: такое заботливое попечение неизвестно как отзовется, и, вполне вероятно, тогда его они могут больше не удержать при себе. Поэтому Лупелины молчали и ждали, кто с материнской добросердечностью, кто с философским долготерпением. Лето закончилось. Антонина с мужем и детьми уехали, уехала и Вероника, вернулась с моря и уже училась Глаша. Савова почти не видели: сам не заходил, к нему же заглянуть деликатничали. Впрочем, как-то в воскресный день после службы Татьяна Андреевна осмелела, взяла Глашу и, зная, что молодой человек скорей всего пишет у себя («Феррари» поблизости не наблюдалось), отправилась к нему по делу. Когда Гриша работал в мастерской, он оставлял двери открытыми, чтобы запах краски и скипидара выветривался.

Воспользовавшись сим обстоятельством, дамы поднялись по ступенькам и спросили разрешения войти. Будучи застигнут врасплох, Гриша засмутился: «Какие гости дорогие...», – засуетился, извиняясь за запах и рабочий беспорядок. Татьяна Андреевна с болью в сердце заметила, что он опять похудел, осунулся и весь какой-то замученно-растерянный. Глаша обратила внимание, что лампадка погасла и попросила разрешения затеплить её заново. Конечно, Гриша согласился. Мама Таня объяснила, что у них есть дело – сделать ему заказ. Заказ? Он удивлён, ведь все Лупелины для него дороги, и он любую картину напишет им в подарок. Нет, именно заказ – тогда у него появится ответственность, и он поторопится. Они мечтают о семейном портрете: Тимофей Макарович, Татьяна Андреевна и три дочери – только так, никого больше. Что ж, он готов, но надо каждого писать с натуры, все ли смогут позировать? По необходимости, по очереди, а если надо, то в каникулы – вместе. Хорошо, пусть будет так, но он всё же настаивает подарить им любую имеющуюся у него на данный момент работу, которая им приглянется. Гриша бросился выставлять перед ними пейзажи.

– Пусть Глаша решает, – уступила дочери право выбора Татьяна Андреевна.

Девушка прошла вдоль выставочного ряда, заметила какую-то картину, чуть выступающую из оставленных в стороне подрамников.

– А там что? – холст её внимание привлек своим разме-

ром, большим предъявленных пейзажей.

– Это тебе не надо, – тут же решительно ответил Гриша.

– Извини, – покраснела Глаша.

Она выбрала пейзаж с их домом, и они ушли, оставив Гришу в мучительных чувствах. Он понимал, что все Лупелины видят гнусность того, что с ним происходит, но не презирают, терпят и, пожалуй, пока ещё любят. Лучше бы презирали, лучше бы выгнали – тогда уж никаких сомнений – обратно в N и... И что? Всё опять: та же квартира с теми же рожами (и своей в их числе), поиски заказов, работа по двадцать часов в сутки, случайные связи, попойки от усталости, потом пустота в кармане и в душе – привычный, но опустылевший замкнутый круг...

А Глаша вернулась к себе в комнату, повесила картину над письменным столом и заплакала, потом стала молиться долго-долго, что даже мама стучала в дверь, звала чай пить, а она не пошла, всё молилась до успокоительной тишины в уме и в сердце.

8

Не выдержав одиночества (с Аделаидой по воскресениям они не встречались, у неё планировался день фитнес-процедур: спортзал, бассейн, массаж, парикмахерская) и самоуничтожения, вечером Гриша пришёл к Лупелиным пить чай. Татьяна Андреевна уговорила его отужинать с ними, и он не

стал особо возражать. Сели за стол впятером: Макар Ильич спустился скоротать вечерок, хотя он не ужинал после шести вечера по причине слабости кишечника, да сам Тимофей Макарович всегда воскресные вечера проводил с семьёй; с ними тихо, тепло и уютно. Подали запечённое мясо с фасолью и пудинг – Любовь Дмитриевна удивительно вкусно готовила. Глаша сидела напротив Гриши и с внутренним расположением, впрочем, стараясь не смутить его показным вниманием, наблюдала, как он ест. Ей всегда приятно было созерцать, как едят мужчины, и особенно голодные, она находила в этом какую-то бытовую жизненную естественность; ей нравилось, что и как вкушает папа, дед, свояк Савелий и даже маленький Семён. Гриша заметно проголодался (мама в течение дня часто восклицала: «Ах, как же там наш, он ведь, пожалуй, не зайдёт и покушать, а навязываться нельзя!»), ел сосредоточенно, кратко отвечал на вопросы и сам ничего не рассказывал. К концу трапезы порозовел, сытость и тепло (у себя он не всегда даже топил) обволокли его домашним уютом, и сие Глаше казалось правильным. Разговор шёл неспешно, всё о мелочах: Тимофей Макарович рассказывал о своём новом свечном заводе, о том, что удалось добиться инвестиций – но сдержанно, без подробностей, Макар Ильич тревожился за обстановку в мире и смены в правительстве, Татьяна Андреевна передавала новости от дочерей, этапы болезни и выздоровления маленькой внучки, Глаша – о практике в больнице и о первом присутствии на опе-

рации. Гриша всё слушал и глупо (сам понимал, что глупо, но ничего не мог с собой поделаться) улыбался. Когда стали пить чай, внезапно в комнату вошла Любовь Дмитриевна, несколько взволнованная.

– Простите, что я невовремя беспокою, но всё-таки решила безотлагательно прийти, как только стало понятно, что Иван Петрович не сможет завтра везти Глашу в город. Радикулит-то его с утра донимал, а к вечеру так в поясницу вступило – не согнуться, не разогнуться. Я натёрла своей мазью с сабельником, лежит покамест бедненький. За сутки очухается, дай бог, но завтра никак не может работать – избавьте уж его, бога ради.

– Не волнуйтесь, Любовь Дмитриевна, любезная вы наша, извинения тут ни к чему, пусть Иван Петрович выздоравливает. Что-нибудь непременно придумаем. Правда, Тимоша?

В этом «Тимоша» прозвучало столько почтения и нежности, что никак не могущий привыкнуть к семейному укладу Лупелиных Гриша слегка вздрогнул и посмотрел на маму Таню с изумлением.

– Я могу взять дочку с собой, когда поеду на работу. Посидит у меня в офисе часик-полтора, ничего страшного. Или... вот, Григорий может отвезти её к урокам. Ведь, если я верно помню, ты неплохо правишь лошадей?

– Я? То есть... конечно, я могу...

– Гришенька, – мама Таня с улыбкой посмотрела на него, – тебе не трудно будет? Это надо рано выезжать, часов в семь,

да и Ласка с норовом, не то что Буран, справишься ли?

– Я правил Лаской, мы же ещё летом с Ильиными катались.

– И правда, как я забыла! Но ведь Глашу ещё забрать нужно – во сколько, доченька?

– В пятнадцать сорок.

– Хорошо, у меня есть дела в городе, ну и порисую, если что...

– Ласку у Фёдоровых на день можно оставить, я адресок черкну, – как уже о решённом добавил Тимофей Макарович.

Так неожиданно у Гриши появилось дело, предстояло везти Глашу в медучилище. У Лупелиных наличествовал «Форд», но хозяин эксплуатировал его с утра до ночи, вторую машину он не считал нужным заводить, ибо Петрович прав не имел и легче справлялся с повозкой. Зимой, когда хорошая грунтовая дорога покрывалась снегом, Глашу довозили до автобуса, и дальше она добиралась сама.

Утро в начале ноября тёмное и морозное. Снега ещё нет, но чувствуется, что он на подходе, что зима вот-вот вступит в свои права. Ласка фыркает, переминается – кобыла молодая, не больше года в упряжи. Фонари хорошо освещают и двор, и коляску, Гриша уже в возницах, одет тепло – возможно, целый день придётся провести на улице, промозглой и ветряной. Заработанные деньги потратил на зимнюю одежду – приехал ведь летом, да и в городе пообносился, гол был как сокол. Второпях выбежала Глаша, поправляя на ходу берет и

одёргивая любимую цигейковую шубку. Гриша подсадил её:

– Ну здравствуй, Пушистик, – поехали. – Хоть посидеть рядом. Давно мы с тобой не общались.

– Давно...

– Учёба нравится?

– Нравится...

– И не боишься? Труд медсестры нелёгкий!

– Не трудней, чем любой другой, – так я решила.

– Решила... Где же работать мечтаешь?

– Всё решила, давно уже, то есть года два назад. У нас в Ялинске есть дом престарелых – мне их очень жаль, тамошних бабушек и дедушек. В нашей семье за последние пять лет двух бабушек похоронили – мамин папа ещё раньше умер, лет десять как, пожалуй. Так они дома с нами до конца жили, а те бедолаги ведь никому не нужны (за редким исключением) и так радуются совершенно искренне, когда просто даже поговоришь с ними. Я хожу туда иногда после занятий. Правда, сначала планировала в хосписе работать, но он в Тудово – от нас больше двух часов, далековато. Я ведь из усадьбы никуда не уеду, родителей ни за что не покину!

– Да?

– Да, это тоже твёрдо решено, ведь Тоня и Ника уехали, уже не вернуться, я одна осталась, вот и буду всегда с ними.

Гриша с удивлением смотрел на Глашу. Конечно, он знал, что средняя дочь Лупелиных жалостливая и отзывчивая, но такого энтузиазма не ожидал. Глаша выглядела сейчас очень

мило в своём красном беретике с пушистыми волосами, здоровым румянцем и горящими глазами; такая родная и близкая, что у Гриши дрогнуло сердце, и он отвернулся, чтобы не выдать себя ей, а себе не позволить надеяться на нечто большее, чем позволяло его положение.

– Я тоже... хотел, мечтал рисовать так, чтобы люди, видя красоту, становились чище и добрее. Но сейчас... я просто больше ничего не умею, только художником, да стал сомневаться, что это кому-нибудь нужно.

Глаша пожала плечами:

– Я не мыслю так обширно – о всех людях, ведь наша жизнь вся в Сучково да в Ялинске – я просто думаю, что если кому-то сделаю укол или поставлю капельницу, то ему станет легче.

– И правильно делаешь, думать надо конкретно. Что моя картина может конкретно? Вот тот пейзаж, что я вчера подарил, он тебе нужен?

– Да, я повесила его в своей комнате. Смотрю на него и думаю... мне трудно конкретизировать о чём, но о хорошем. Я ещё в мастерской удивлялась: у тебя на пейзажах небо написано по-разному, даже красками разными, хотя в целом везде кажется голубым. Когда же я смотрю на улице на небо в безоблачный день, оно кажется всегда одинаково синим.

Гриша улыбнулся:

– Я же художник, а небо каждое мгновение другое, его, можно сказать, физически ощущаю, но зато не понимаю раз-

ницы между мейозом и митозом.

– Ах, ну это просто знания, а тут другое, что-то из внутреннего зрения...

Они замолчали. Девушке хотелось сказать многое, но она боялась непременно запутаться в мыслях и их словесном оформлении и поэтому только вздохнула. У Гриши же стоял какой-то ком в горле – он мешал думать, дышать, чувствовать. Так они доехали до медучилища, где попрощались до вечера. Гриша отвёз Ласку к Фёдоровым, а сам пошёл бродить по городу. Он мог бы вернуться в усадьбу или зайти в гостиницу, посидеть там в баре или в кафе, мог даже встретиться с Аделаидой – та, пожалуй, удивилась, но была бы польщена, и всё же пошёл рисовать, благо взял с собой альбом и рисовальные принадлежности (краски не брал). Помёрзнув так пару часов да малость проголодавшись, завернул в ближайший общепит и долго сидел, взяв кофе, два бутерброда с колбасой и мясо с салатом. Наверное, он хотел растопить ком внутри, но это плохо получалось. Тем не менее решение следовало принять. Следовало безотлагательно порвать с Аделаидой. Тут же он понимал, что сие невозможно – женщина намертво вцепилась в него, опутала всеми низменными чувствами, какими только смогла и в которых он увяз до скотоподобия, и добровольно его, Григория Савова, не отпустит. Почему им надо расстаться, он тоже не мог себе аргументированно объяснить. Глаша тут ни при чём – разве может он о ней возомнить всерьёз – он, сирота безгрошовая

и безработная, пьяница и потаскун – о ней, о которой обязан заботиться, как брат, в благодарность за кров и пищу, за заботу и нежность Лупелиных? Нет, он волен жить, как ему заблагорассудится, не сообразуясь с мнением верующих о целомудрии, пока... пока его не пырнут под забором в пьяной драке или не замёрзнет где-нибудь в лесу, убегая сам от себя... Спасти человечество, сделать его добрей с помощью искусства – ком из горла поехал куда-то выше, и Гриша вышел из кафе. Аделаида его поит, кормит, одевает – пусть за счёт картин, – почему же так тошнотворно и невыносимо, откуда такая удушающая тягота? Гриша вспомнил оставленный в мастерской портрет – «обнажёнку», и его аж передёрнуло от отвращения – ещё никогда он не писал маслом с подобной нелюбовью. Лучше бы Татьяна Андреевна выгнала его, совсем, прочь с глаз и из жизни, тогда станет ясно, что делать, а сам уехать он не может – никогда больше не видеть, не слышать, не говорить, забыть Лупелиных, Глашу – добровольно невозможно для него, выше сил.

В пятнадцать сорок Гриша подъехал на Ласке к училищу. Потеплело, но и подсырело, сумрак ещё не спустился. Вскоре все будущие медсёстры и медбратья стали покидать альма-матер. Вот и Глашина группа гурьбой, все девчата, лишь один веснушчатый верзила среди них. Заметил знакомую бричку, на ней – Гришу.

– Это ещё что за молодой человек, Глафира? Гляди, ревновать начну.

Глаша что-то шутовливо ответила, всем помахала ручкой – за добродушие и общительность её любили в группе, с помощью Гриши запрыгнула в повозку.

– Кто ещё меня ревновать вздумал? – хмуро поинтересовался художник.

– Да это Ваня, у нас ведь всего два парня на курсе. Он всех ревнует на правах старосты.

Новый возница выглядел молчаливым и несколько взвинченным, но вскоре Глаше удалось немного растормошить его, она рассказала две смешные истории из их студенческой жизни и, не будучи по натуре замкнутым и угрюмым, Гриша тоже кое-что вспомнил; таким образом, они доехали до усадьбы быстро и если не весело, то, по крайней мере, уже без предшествующего дурного расположения.

К вечеру Петровичу стало немного лучше, но не настолько, чтобы он мог возить Глашу, и Гришу попросили ещё пару дней «пошоферить». Он бы и дольше поработал на этой приятной для него должности, столько душевной радости несло ему сие краткое дорожное общение с дочерью Тимофея Макаровича, но в среду вечером сказали, что Иван Петрович оправился и готов приступить к своим обязанностям. Эти дни Гриша не видел Аделаиду, не заходил к ней, и она к нему не приезжала. Странно, но он почти забыл о ней – точнее, спрятал куда-то глубоко в подсознание неотвратимое будущее, пока оно не явит себя настоящим, болезненным и невыносимым, дамокловым мечом, расплатой за

нынешние счастливые дни, которые сблизили Гришу с Глашей настолько, что они уже довольно свободно общались в доступном прошлом друг друга, естественно, с деликатным умолчанием сердечных влечений.

Казалось, что раньше между ними стояла стена «нельзя», а теперь они понеслись навстречу друг другу, с жадностью видя в собеседнике и попутчике нечто такое, что посторонним незаметно или неинтересно.

В четверг вечером Гриша ходил по мастерской, доставал этюды, раскладывал эскизы предполагаемого семейного портрета, когда дверь без стука распахнулась и на пороге возникла она – Аделаида Марковна собственной персоной – удивительно, он даже шума подъезжающей машины не услышал – высокая, вызывающе покрашенная, обворожительная и элегантная, с томным запахом баснословно дорогущих французских духов.

– Не ожидал, милый? А я соскучилась, уже пять дней не виделись. Как, думаю, тут мой портрет, не пора ли позировать? Ах да, держи, – и она протянула ему сумку, до верха загруженную яствами и бутылкой (позже оказалось, двумя) коньяка.

Гриша молча смотрел, как она по-хозяйски сбросила мантию: «Холодно у тебя для обнажёнки, надо затопить», – закрыла дверь на крючок, и чувствовал себя бандерлогом перед удавом, как в мультфильме «Маугли». Она подошла вплотную со своими громадными, ждущими, тоскливыми

глазами... Лупелины Гришу к ужину не дождались (последние три дня он ужинал с ними), а когда приехал с работы хозяин, то сказал, что у того «гости» – «Феррари» на месте. Глаша сослалась на недомогание и отправилась к себе пораньше.

9

Аделаида ушла рано утром. Между прочем, они с Глашей встретились: одна садилась в коляску, другая – в машину. Бесцеремонная посетительница смерила девушку оценивающим взглядом, гордо встряхнула своими потрясающими ярко-рыжими кудрями (природными!) и села за руль. Глаше Аделаида понравилась: «Красивая какая», – с грустью подумала она. Гриша очнулся гораздо позже. Печка давно погасла, стало прохладно. Он попытался сесть на диван, но, застонав, рухнул обратно. Вспомнилось всё. Чуть позже опять забылся тревожным сном и окончательно пришёл в себя только к часу дня. Исчезнуть не удалось. Как пёс возвращается на свою блевотину, так и он опять пал – глупо надеяться на свою силу воли и духа. Их не было. Лампадка погасла, но лик Божьей матери с иконы смотрел на него – туда, где когда-то жила душа. На миг почудилось, будто не маленький Спаситель, а он сам прижимается к Богородице и через всё осквернённое тело проходит тёплая волна. Выйдя на улицу, дошёл до пруда, разделся до трусов и погрузился в ледяную воду. Всё тело свело, но он окунулся три раза, вернулся в мастерскую мокрый и дрожащий, умылся полуслезной водой,

переоделся и стал прибираться. Возле портрета остановился и долго смотрел, потом отвернул его к стене, собрал объедки, бутылки, постельное бельё и вынес на мусорку. Распахнул дверь, чтобы проветрилось, и пошёл рубить дрова. Такова его обязанность – чем он мог ещё помочь Лупелиным? Дрова рубил у правой стены мастерской. Рубил со всей злостью, на какую способен, хотя никаких мыслей при этом не имел. Внезапно услышал характерный звук подъезжающей брички – это Петрович с Глашей вернулись. Значит, уже почти пять, он и не думал, что так поздно. Коляска останавливалась метрах в пятидесяти от дровяника. Заметила ли Глаша его издали, не понял, но от испуга возможной встречи рука дрогнула, и топор скользнул по рукаву. Тотчас хлынула кровь, но ужас от осознания, что Глаша его увидит и заговорит, пересилил боль. Гриша зажал здоровой рукой рану и попятился за угол сараюшки, там прижался к задней стене и почти не дышал, ожидая, когда девушка пройдёт в дом.

Глаша спрыгнула с повозки и побежала по тропинке. Настроение сложилось хорошее, словно на крыльях летела. Издали ей показалось, что Гриша рубит дрова, но, пробегая мимо, она его не заметила. Куда же он подевался? Интуитивно подошла к дровянику, также интуитивно тихо, на цыпочках, заглянула за угол. Молодой человек стоял там, почти сливаясь с замшелой тенью стены. Они встретились глазами: во взгляде Гриши оказалось столько боли, душевной муки и даже отчаяния, что она всё поняла, а больше всего, что ему

сейчас нужна помощь. Посмотрев вниз, увидела текущую по рукаву свитера кровь, как можно осторожнее дотронулась до него:

– Пойдём, я посмотрю.

Гриша прерывисто вздохнул и послушно двинулся за ней.

– В дом? Нет? Хорошо, тогда к тебе.

В мастерской Глаша усадила его на табурет, закатала рукав и побежала за аптечкой. Гриша сидел молча, голова кружилась, но думал только о том, как бы ему на неё не дышать, ведь наверняка от него несёт перегаром – уж он-то знает, как это бывает... Поднял глаза и опять увидел лик жалеющей Богородицы.

Девушка вернулась, обработала рану и наложила повязку. Гриша не стонал, только вдыхал запах её волос, чуть морозный и шампунный, таких пушистых, таких родных волос. Глаша тоже ничего не говорила, только по делу: «поверни так», «приподними» и т. д. Закончив, спросила, кружится ли голова.

– Пускай кружится, – ответил хрипло и, помолчав, – спасибо.

Глаша улыбнулась:

– Ну, тогда я пойду. Тебе надо выпить крепкого сладкого чая. Придёшь к нам?

– Нет... здесь выпью.

– Завтра в это же время приду на перевязку. Будь дома.

Глаша ушла, и вместе с ней ушёл запах её волос, чуть мо-

розный и чуть шампунный. И хорошо, что ушла, потому что его сразу начало тошнить.

Только возвратившись домой, девушка почувствовала лихорадочное волнение, на мамин вопрос ответила, что Гриша поранил руку при рубке дров, и она ему её перевязала, что ужинать он не придёт и что, судя по всему, лучше его сейчас не трогать. Татьяна Андреевна согласилась, хотя распереживалась. Тимофей Макарович, вернувшийся к ужину, нашёл своих семейных несколько не в себе. Поинтересовавшись, в чём дело, пожал плечами: «Колбасит вашего любимица – вы ему не поможете, сам должен выпутаться. Пришёл бы ко мне, я бы ему давно работку нашёл, но гордецу треба самому...» Татьяна Андреевна набросилась на мужа, уверяя в необходимости проявлять снисходительность к сироте, а Глаша ушла к себе, где, чувствуя острую сердечную потребность, стала со слезами молиться в своём уголке у маленького аналойчика с молитвословом и Евангелием, у трёх любимых икон: старинного, ещё от деда с бабой, Смоленского образа Божьей матери, Спаса Нерукотворного, вырезанного из журнала, и Рождества, подаренного на день рождения сестрой Тоней. После тёплой молитвы девушка заснула мирно и безмятежно, утром отправилась на учёбу с уверенностью, что Господь всё управит. Возвратившись вечером из города, зашла к Грише. Удивилась порядку в мастерской – видно, весь день всё тёр и мыл. Возле дверей стояла какая-то упакованная картина больших размеров. Гриша ждал свою враче-

вательницу, но выглядел то ли грустно, то ли серьёзно. Почти молча сделали перевязку. Глаша спросила, зайдёт ли он сегодня к ним. Видимо, поколебавшись, ответил, что зайдёт выпить чаю. Уже у порога девушка обернулась, не выдержала:

– Ты хоть ешь что-нибудь?

Гриша открыл было рот, словно хотел ответить, но вымолвил только:

– Иди, Глаша.

Он действительно пришёл чуть раньше ужина, хозяин ещё не вернулся, и они сели пить чай втроём. Татьяна Андреевна всё причитала, что Гриша похудел и побледнел: «Кушать надо, голубчик, кушать. Мужчины должны хорошо кушать. Ты заглядывай к нам запросто, чаще приходи, мы все тебе рады», – но молодой человек не воодушевлялся от этих слов, почти ничего не ел, только выпил три чашки чая, а когда Глаша ловила его взгляд, читала в нём непонятную и столь ему несвойственную угрюмую непроницаемость. Гриша посидел с полчаса, потом решительно откланялся и вышел, оставив дам в недоумении, но так как почти сразу вернулся с работы Тимофей Макарович, то их внимание переключилось на хозяина и его новости.

А Гриша зашёл в мастерскую, но даже не стал включать свет. В темноте мерцала лампадка, и юноша дрожащей рукой перекрестился, чуть ли не впервые со смерти матери, взял упакованную картину и вышел. На улице стоял лёгкий но-

ябрьский морозец, землю припорошило снегом, и благодаря этому, хотя стемнело, дорога хорошо просматривалась. Пройдя вперёд, он заметил фары машины хозяина усадьбы и спрятался в кустах, считая за лучшее им не встречаться. Потом шёл пешком до станции и сел на автобус до Ялинска. И вот почти в девять вечера Савов в городе; не мешкая, направляется в гостиницу, Аделаида сейчас там, он знает. Как два месяца назад, проходит прямо к ней в кабинет, но только пропускают теперь свободно – знают его – чай, в фаворитах. Как два месяца назад, она – со своими амбалами и с кофе на столе, Гриша ведёт глазами – Аделаида их отсылает. Что-то здесь не так, любовник приехал слишком рано, они ведь только вчера расстались. Ах, картина?

– Это тебе. От меня подарок.

Гриша видел удивление на её отёкшем, но тщательно загримированном лице – бессонные кутежи сказывались и на ней.

Он развернул картину, портрет обнажённой натуры.

– Разве ты его закончил?

– Закончил. Мы больше не будем встречаться: ни здесь, ни в мастерской. Не надо больше ничего у меня покупать, не надо продавать. Я найду себе другую работу. Художником теперь не имею права оставаться, а с тобой расстаюсь. Прости, если причинил тебе боль.

По мере того, как Гриша говорил, Аделаида менялась в лице: глаза и губы начали сужаться, лицо сначала побледне-

ло, а потом запунцовело. Никогда не видел художник её настолько взбешённой, даже трясущейся от негодования.

– Прости?! Да кто ты такой? Хоть понимаешь, что я для тебя сделала? Я тебя из дерьма вытащила, твою мазню бездарную продвинула. Кому ты со своей живописью нужен и что вообще умеешь? Да тебя без меня ни на какую работу не возьмут, даже дворником! Ты мне пятки лизать должен: ел-пил-жил за мой счёт, а теперь гением возомнил? Али глаз на молодуху положил – видела я её, – а я уж не так сладка показалась?!

Аделаида теряла над собой контроль, опустившись до бабских визгливых нот, но всё же Гриша постарался уловить паузу в неиссякаемом запале ругани, поношений и презрения:

– Я заслужил все эти слова, безусловно. Прощай, – и удалился.

– Кирилл!!! – услышал он в спину призыв, и оба амбала влетели в кабинет, едва не сбив молодого человека с ног.

Выйдя на улицу, Гриша огляделся по сторонам, засунул руки в карманы, поёжился и под мелко падающим снежком медленно побрёл прочь. То, что Аделаида захочет отомстить, яснее ясного. Только как? Во всяком случае, жизнь его теперь гроша ломанного не стоит и конкретной цели не имеет... Настигли его не сразу, дали отойти подальше от гостиницы. Наконец, он услышал, что догоняют.

– Эй, Григорий, постой, разговор есть, – это её амбалы, двое. – Слушай. Аделаида Марковна говорит, что так просто

уйти нельзя, ты ей должен. Двести тыщ гони, одним словом.

Гриша повернулся к ним. Вокруг пусто и тихо – в маленьких городах к вечеру жизнь быстро замирает, у них в N не так.

– Ну, чё молчишь? Ты чё, нас не уважаешь?

Удар последовал профессиональный, боксёрский, сразу под дых, а потом чем-то по голове. Падая, Гриша не успел заметить даже звёзд над головой, а вскрикнуть тем более. Они некоторое время били и пинали его, лежавшего уже без сознания. Потом один сказал:

– Пошли быстро отсюда.

Другой:

– А может... – достал нож. – Аделаида Марковна сказала...

– Это она сгоряча. Зачем нам перо на шее? Докопаются, не отмажемся, и Аделаида не спасёт. А так, если что – подрались малость на сексуальной почве, а замёрзнет – его проблемы.

И две фигуры, сплюнув по сторонам, растворились в темноте города.

10

Это произошло в пятницу. По субботам Глаша училась, но до двух. Вернувшись домой, она хотела зайти в мастерскую, сделать Грише перевязку, постучалась – никто не ответил, подумала уйти (может, на этюдах?), но почему-то толкнула дверь – сараюшка на ключ не запиралась, только из-

нутри на крючок, и, когда хозяин отсутствовал, стояла открытая. Мастерская встретила девушку тишиной и холодом (видно, ночью и утром не топил), но ведь сейчас невозможно не топить. Она включила свет: всё так же, как вчера при перевязке, только упакованной картины нет. Но что-то не так же, как-то тревожно и очень-то аккуратно. Глаша ещё раз обвела взглядом комнату. На столе, у по-армейски заправленной кровати, точнее, дивана, что-то лежало, девушка подошла: паспорт Гриши и вложенные в него деньги, двадцать тысяч. «Наверное, всё, что есть», – подумала средняя Лупелина. На сердце стало как-то нехорошо. Значит, не сбежал и не на этюдах – этюдник в углу. Может, к той красавице поехал? Может, но почему оставил паспорт и деньги на виду? Глаша вышла, прикрыла дверь и вернулась домой. Мама очень уютно сидела под абажуром, ремонтируя отцовскую рубаху.

– Вот и ты, родная. Давай пообедаем, а то уж на вечернюю скоро ехать. Завтра Казанская, так её люблю, так люблю.

– Мама, ты сегодня Гришу не видела?

– Нет, – задумчиво протянула Татьяна Андреевна. – А что случилось?

– Может, и ничего, – стараясь казаться спокойной, ответила Глаша. – Просто я хотела ему перевязку сделать, а его нет.

– Ну, наверное, на этюдах, спешит писать, пока не стемнело.

– Эюдник в мастерской.

– А он, может, карандашом.

– Оба эюдника в мастерской. Всё очень убрано, а на столе

– паспорт и деньги.

– Ах, Глашуня, брось, ведь бывало, что и на два дня про-
падал. Эта вертихвостка – отец говорит, она полгорода в ру-
ках держит, – совсем его окрутила. А зачем ему к ней деньги
и паспорт возить, так и укатил – обычное дело...

– Нет, мама, всё не так, и не похоже, как обычно.

– Откуда ты знаешь, как обычно?

– Я не знаю, но ощущение тревожное.

– Глашуня, тебе надо меньше думать о мужчинах такого
возраста и такого положения, как Григорий. Лучше собирай-
ся в храм. Может, подумаем о том, чтобы завтра вместе при-
частиться?

– Извини, мама, я как-нибудь в другой раз.

Пообедали почти в молчании, каждый думая о своём.

В четыре Петрович повёз на Всенощную. Тимофей Ма-
карович подъезжал позже, почти к помазанию. На обратном
пути Глаша опять заглянула в мастерскую – пусто.

– Что такое? – поинтересовался отец.

– Да она волнуется, что Гриши целый день нет, а эюдники
на месте, и паспорт с деньгами на столе.

– Действительно, странно. А ночью что?

– Неизвестно. Вечером накануне с нами чай пил.

– Подождём до утра. Знаешь, Глашуня, он ведь человек

несемейный, может и заночевать где-нибудь, – отец ласково приобнял дочку за плечи.

Перед сном обычно немногословный Лупелин заметил жене:

– В последнее время Глаша с Гришей сдружились. Ему, возможно, это на пользу, а вот насчёт неё я не уверен...

– Глупости, у них братские отношения – уж я-то знаю. Хорошо бы он женился поскорее на этой крале, к которой моет, – всё лучше, чем по разным девкам таскаться...

Тимофей Макарович помолчал, потом сказал: «Посмотрим» – и выключил свет.

Рано утром, едва родители встали, Глаша тревожно сообщила: «Гриши нет» – и схватила отца за рукав: «Папа, надо что-то делать!»

– Хорошо, я отвезу вас на литургию, а сам заеду в милицию и обзвоню больницы (их в Ялинске две), – Тимофей Макарович понял и сам: что-то действительно случилось.

– Папа, можно мне тоже в больницы. Я практику там проходила, постараюсь выяснить всё.

– Дочура, если надо будет кого-то опознать, тебя не пустят – ты несовершеннолетняя. Помолись лучше с мамой.

На том и порешили. После литургии обе женщины вышли из храма и увидели, что «Форд» уже ждёт их. Обеим не терпелось получить информацию из первых рук. Они сели в машину.

– Нашёл, – сразу сообщил отец и изложил подробности.

Поиски начал с больниц, по времени: вечер пятницы – утро воскресения. Оказалось, за этот период поступили трое мужчин без документов, один вчера вечером скончался. Лупелин поехал в морг. К его большому облегчению, то оказался не Гриша. Во втором случае повезло сразу – в первую городскую ночью на субботу доставили молодого человека без сознания. Другой мужчина, не имеющий определённого места жительства, имел за плечами не меньше полувека и в голове достаточно сознания, чтобы исхитриться остаться на койко-месте как можно дольше. Тимофей Макарович поехал в «первую» и опознал Гришу. Случай нарисовался исключительный. Какой-то прилично выпивший мужчина, выйдя из бара, брёл по тёмной улице, поскользнулся на обледке и рухнул прямо на человека. Еле поднявшись, вышел на проезжую часть, чуть ли не бросился под машину и, когда водитель в гневе выскочил, заплетающимся языком выдал, что «там лежит кто-то или труп». Шофёр не послал его куда подальше, а решил проверить информацию и действительно нашёл ещё теплого, вполне прилично одетого, без сознания молодого человека. Не имея с собой телефона для вызова скорой или милиции (дома забыл – такое тоже случается, а ехал, между прочим, к своей девушке), доволком обнаруженную находку до машины – пьяница тем временем скрылся – и довёз до больницы. Имя сего благодетеля сохранилось в полицейском отчёте (надо с ним непременно связаться). Нашли Гришу вовремя, пролежи он всю ночь на уличном моро-

зе, неизвестно, выжил ли. Тимофей Макарович успел поговорить с врачом, принявшим пострадавшего. Пролом черепа, множественные побои, сломано ребро, руки-ноги целы. Вроде трезвый, и наркотика в крови нет. Операцию сделали быстро, в сознание пока не приходил. Вот такие накопились известия у Лупелина. Татьяна Андреевна заплакала, Глаша стала её успокаивать, хотя сама шмыгала носом. Отец деловито распорядился: «Сейчас надо в больницу и милицию – и туда и туда едем все вместе». Перекусили в кафе, доверились главе семейства и всё делали, как он велел. Сперва поехали в милицию и там дали показания: кто такой, где живёт и на каких правах, чем занимается, когда видели последний раз, когда забеспокоились, есть ли подозрения. Потом – в больницу. К Грише их не пустили, он находился ещё в реанимации и в сознание не приходил. Потеря крови несущественная, и сердце справлялось. Когда можно его навещать? Им сообщат. Потом искали водителя-спасителя (нетрезвый пешеход как в реку канул). Он всё подтвердил. Хотели отблагодарить – не взял, любой мог бы оказаться в подобной ситуации. Уже далеко в потёмках возвратились домой.

Ноябрь вступил в свои права – темно, холодно, малоснежно. На смену ему пришёл декабрь: морозный, снежный, постный. Два месяца продержали Гришу в больнице. Лечили хорошо, грешно жаловаться. Через пять дней разрешили навещать, и первое время ежедневно кто-нибудь к нему при-

ходил. Сперва Тимофей Макарович договорился об отдельной палате, но, когда Гриша стал лучше соображать, спросил: «Почему?» – и велел перевести себя в общую. Так же устроилось с визитами. Женщинам заявил, что нечего, мол, ко мне бегать, достаточно раз в неделю. Татьяна Андреевна стала приезжать по вторникам, чтоб не в постный день лакомым побаловать – у больных же послабление; Глаша после учёбы заезжала по четвергам и субботам, оправдываясь: «От училища недалеко»; а в воскресенье после литургии – все вместе. Гриша стал немногословен, с Глашей порой и вовсе груб. От той приветливости, что отличала их осенние совместные поездки, не осталось и следа. Приходила к нему милиция снимать показания о нападении, но дело забуксовало. Допрашивали и Аделаиду Марковну, и её телохранителей. Последние запаниковали, но сама их приструнила: «Не трусьте – не заложит». Ссору скрыть не удалось – слишком много свидетелей засветилось, но дело житейское, а после перепалки Аделаида из гостиницы не выходила. Очевидцев драки не обнаружилось, сам потерпевший претензий ни к кому не имел – так дело и зависло.

Когда Глаша выпросилась по субботам на практику в первую городскую на хирургию, Гриша воскликнул: «Ещё чего! Ты что, уколы мне делать собираешься?» Девушка рассмеялась: «До уколов нас ещё не допускают. Буду учиться капельницы ставить, и по мелочам: утки выносить, инструменты стерилизовать, ну и клизмы...»

– Клизмы не надо, как-нибудь справлюсь, – язвил пациент. – А с капельницами, так и быть, тренируйся, сколь нужно...

12

Три разговора.

Разговор первый

Гриша полулежит на больничной койке. У него опять кружится голова, и выйти в коридор не представляется возможным. Глаша сидит рядом и рассматривает наброски.

– А это кто?

– Это – Лёшка из детской палаты.

– Которому руку раздробило?

– Ну да, но он очень вертлявый – минуту смирно не посидит.

– А это Жень Женич?

– Он.

– Похож, даже тройной подбородок так же выпирает... Ух ты, а это с гинекологического?

– Спускался на первый этаж: они в очереди в буфет стояли – колоритная группочка. Ты матери говорила, что по субботам на хирургии дежуришь?

– Нет. Она думает, что на неврологии.

– Почему не скажешь?

– Думаю, ей не понравится... А это старшая медсестра?

– Угу. Ишь ты, всех угадала.

– А что тут угадывать – похожи ведь. Рисуй, Гриша, в сём

твое призвание, твой талант. Ты на другой работе затоскуешь.

– Не заработать живописью. Так, одно прозябание.

– Какой-то выход должен найтись, раз тебе Господь дар определил, то не просто так...

– Для начала нужно отсюда выкарабкаться. Ты матери скажи, чтобы мандарины принесла, их Лёшка очень любит, а его родители не больно балуют. Только не говори, для кого, а то килограммов пять привезёт. Штук десять достаточно.

Сосед по палате, вострый на язык, болтун и балагур с переломанными ногами, сперва всё приставал к Григорию: «О, невеста твоя идёт!» – на что тот отвечал: «Глупости говоришь, Иван. Посмотри на меня – каков я жених: лысый, тощий, всё тело в синяках, вместо живота – кровоподтёк, башка треснутая, тошнит да из стороны в сторону бросает (ещё нечто добавил, но мы сделаем вид, что не расслышали) – а тебе всё жених. Ведь сам видишь – девушка сердобольная, всех жалеет, а таких, как я да ты, больше всего. Будь мы с тобой здоровые и красивые – не взглянула б на нас». Сосед согласился, Глаша действительно со всеми обращалась с добротой и лаской, небрезгливо и улыбочиво, а ему, Ивану, даже папиросы приносила.

Разговор второй, с Татьяной Андреевной

– Гришенька, как ты тут? Я мандаринчиков привезла да блинчков домашних. Может, сам поешь, может, соседей по палате угостишь.

– Мам Таня, не надо мне жирного – я же говорил, тошнит беспеременно, то печень подбитая, то голова.

– Ох, да как же тебя угораздило? Сознайся, твоя цаца руку приложила?

– Уймись, мам Тань, ты ж не из милиции.

– А мы-то как испугались! Тебя всё нет и нет. Глаша первая забеспокоилась, а я ей не верила... Да ладно, что было, то было. Я вот о чём поговорить хотела. Тимоша узнавал: доктор советует, после больницы надо на реабилитацию. Здесь есть реабилитационный центр – да ты знаешь, на втором этаже. Может, полежишь там денёчков десять, как выпишут, помогает?

– Дорого.

– Ну, надо что-то заплатить, не без этого. Тимоша поговаривает с тобой, мы заплатим – когда-нибудь отдашь, Бог даст. Просто надо сразу на процедуры всякие, эффект больше.

– Хорошо, мама Таня, я подумаю.

Разговор третий, с Тимофеем Макаровичем

– Ну что, герой, как лечение?

– Спасибо, товарищ майор, бодрым темпом.

– Да, вижу, опухоль спадает... Ну и красавец стал, скажу тебе, у нас в армии таких и после рукопашного боя не всегда сыщешь.

– Потому что у вас бои на равных, а я и сгруппироваться не успел.

– Или не сумел?

– Не захотел.

– Решил пострадать?

Гриша не ответил, перевёл разговор на другую тему.

– Татьяна Андреевна говорила, вы хотите меня на реабилитацию пристроить?

– Думал. согласишься?

– Пожалуй, да, если это помогает. Надоело за стенку держаться.

Таким образом, отлежав в больнице полтора месяца, Гриша перебрался в реабилитационный центр, где провёл ещё две недели, а в начале января, почти без синяков и с ёжиком на голове, но всё ещё с головными болями и тошнотой, вернулся в усадьбу, как раз к Рождеству и рождественским гостям. Приехали Антонина с мужем и детьми да Вероника на каникулы. Это получилось кстати, выздоравливающий художник решил пописать кое-кого для семейного портрета – Татьяна Андреевна от заказа не отказывалась.

На Рождество удалось всех вывезти в церковь – и даже Гришу, потом накрывали большой праздничный стол. Татьяна Андреевна светилась от счастья – столько радости сразу: все дочери собрались, муж, зять, внуки, Гришу выписали – и Рождество! Усадьба наполнилась шумом, детскими голосами, санями, лыжами, коньками. Появились подарки под ёлкой. Их принесли в ночь на 7 января, только все спали и ничего не видели, лишь девочка – кажется – слышала сквозь сон звон колокольчиков, но она не совсем была уверена. Од-

нако подарков оказалось так много, что досталось всем, даже Грише, Макару Ильичу, Петровичу и Любове Дмитриевне.

13

Но рождественские каникулы – не летние, пролетают быстро – глядь, вот уже гости собираются уезжать. У детей подозрительно увеличивается количество и тяжесть ручной клади, но эти маленькие террористы упорно отказываются урезать свои аппетиты, отчего в последние перед отъездом два дня сия тема настолько затмила все остальные, сообщая о себе, с одной стороны, оглушающим рёвом и возмущёнными восклицаниями – с другой, что возникла опасность не уехать никогда. Савов успел сделать несколько этюдов с Вероники и Тони, надеясь ещё пописать их при солнечном освещении, как только композиция окончательно созреет.

Накануне расставания за вечерним чаем Гриша неожиданно сказал: «Мне надо уехать. На сколько, не знаю – есть дела в городе», – чем, естественно, вызвал у хозяйки, да и у некоторых других членов семьи, вполне предсказуемое лишение дара речи.

– Мама, ты не волнуйся, – Антонина решила пояснить ситуацию. – Мы всё обсудили, только не хотели вас волновать заранее. Он с нами поедет, мы одно купе зарезервировали, поместимся. И в городе, если что, наша семья Грише всегда рада – переночевать пустим, и покушать, и постираться.

– Так ведь... – Татьяна Андреевна растерялась. – Ты вер-

нёшься, Гриша?

– Надеюсь, – ответил молодой человек и почему-то посмотрел на Глашу, для которой известие об его отъезде стало неприятной неожиданностью. После выписки они практически не оставались наедине, не сказали друг другу и десятка слов, даже с Вероникой и Тоней Гриша общался больше и охотнее, чем с ней. А Татьяну Андреевну и вовсе этот отъезд пугал. Только-только, как ей казалось, её подопечный пообвык, отогрелся у домашнего очага, немного оправился от травм душевных и физических. А как хорошо, как весело все вместе строили снежную крепость, катались на санях (у Лупелиных сохранились аж двое финских саней!) и лыжах! Что будет теперь, что ждёт его в N, трудно предугадать. Бывшие друзья-художники, эта страшная квартира, его девица – вдруг опять засосёт, он ведь такой слабохарактерный – она-то знает! Ах, мама Таня уже принялась переживать!

Последний гостевой день в усадьбе пролетел мгновенно, суматошно, сумбурно, в сборах, слезах, детских и маминых. Гриша старался никому на глаза не попадаться и особенно избегал остаться наедине с Глашей. Её это повергло в уныние, хотя за хлопотами девушка не успевала вполне предаться жгучим страданиям. Родители поехали на вокзал, но Глаша отговорила усталостью, и её оставили дома. Видя, что Гриша не намерен сказать ей на прощание ни единого тёплого слова, она, надеясь, что никто не заметит, за несколько минут до отъезда убежала к себе и там расплакалась от оби-

ды и разочарования. Знай девушка, как в это время терзался её мучитель, ей, возможно, стало бы ещё горше, но она о подобном положении вещей не догадывалась.

14

Гриша поехал почти налегке. Взял лишь три этюда и несколько пасхальных открыток, на которых тоже подрабатывал. В поезде все утихло, дети спали, взрослые долго беседовали. Савелий советовал Грише разные варианты заработков, Тоня советовала скорее жениться («Знаешь, у меня есть одна однокурсница, очень миловидная и скромная, правда, с ребёнком, но зато квартира однокомнатная...»), дети, проснувшись, теребили морским боем и кукольной ферией – так и доехали. На вокзале расстались. Гриша сразу направился в художественный салон к бывшему однокласснику. Работы его купили, но деньги можно получить только в конце месяца. Оставив этюды («Всё-таки ты, Савов, талантище») и открытки, поехал домой – в то место, где, собственно говоря, имел прописку с ещё двумя такими же горемыками, как в коммунальной квартире. Там его встретили если не с распростёртыми объятиями, то весьма приветливо. Ничего не изменилось: Димка спал пьяный, Зурбан «ваял» «Блудного сына», Колян и Гоша одновременно курили, пили кофе и чертили архитектуру, на его кровати полулёжа брэнчал на гитаре какой-то новый жилец. Гриша шуганул его и завалился спать. Проснулся к вечеру от вездепроницающего запаха жаренной картошки. Когда здесь жил Савов, её всегда

жарила Вера. Неужели она? Гриша прошёл на кухню. Нет, какая-то другая... блондинка. Улыбнулась ему. Савов вернулся в комнату. Почти ничего не изменилось, только Димка проснулся и плескался в ванной. Гриша подошёл к Зурбану: «А Вера где?» – Зурбан посмотрел на него, прищурясь, потом обтёр кисть, кивнул: «Пойдём, чай попьем». Прошли опять на кухню. Вместо чая на столе появились две бутылки пива, услужливая девушка поставила картошку.

– Вера теперь с Максом... Ты его видел?

– Видел.

– И что, он тебе ничего не сказал?

– Ничего.

– Ей с ним хорошо. У него квартира – шик, с матерью, правда... Приходила где-то с месяц назад, о тебе спрашивала. Говорила, что Макс на ней жениться обещал...

– А с работой как?

– Да ерунда всякая. Вон пацаны проект готовят; если примут, уедут в Башкирию. Димка педагогом устроился, но чего-то пьёт много, как бы ни турнули... А ты надолго?

– Поживу пока. Там тоже с работой не рай. Что-нибудь здесь попробую.

– Я спрошу у пацанов. Вон Федот набрал с жадности кучу заказов, а сам не успевает – авось, поделится. Правда, скукота, сплошной штамп, никакого творчества, на фарфоре – и то интереснее.

Помолчали.

– Я ведь, Зурбан, виноват перед тобой. Помнишь, в позапрошлом году в посольстве работал? Ещё все тогда на нуле сидели.

– Помню, кирдык повис знатный. Хорошо, брат помог.

– Этот заказ ведь тебе дать хотели, а я увёл – гад, одним словом.

– А сейчас совесть замучила?

– Получается, так.

Помолчали.

– Справедливо всё. Моя тоже не чиста. Это ведь я заложил вас в десятом, когда вы в мастерской ночью Новый год справляли. Меня не позвали, вот и отомстил. Шумиха поднялась, тебя с Димкой чуть из комсомола не попёрли...

– И попёрли бы, если б комсомол не накрылся.

– Замажем?

– Окей, друг.

К Максусу Гриша пришёл уже назавтра.

– Что ж ты мне вчера про Верусю не сказал?

– У нас мигом просвечиваешься, и говорить необязательно.

– Не дрейфь, дела житейские, отбивать не вижу резона. Скажи ей только, чтобы зашла, поговорить необходимо.

– Ты пойми, я серьёзно запал. Жениться хочу. Маме она понравилась.

– Я рад за неё... и за тебя. Желаю счастья.

Кой-какая работа Грише досталась: старые связи помог-

ли, да и Макс подсуетился, нашёл девушку из богатых, которой вздумалось в академию поступать, и посему требовались частные уроки. С ребятами взялись за роспись плафона на сомнительных лесах, а по ночам рисовал эксклюзивные пасхальные открытки. Вера зашла не сразу – ещё чего! – где-то через неделю. Она выглядела замечательно красивой – и что красавицы к нему липли, что Вера, что Аделаида? – Макс не зря млел от восхищения. С Гришей они познакомились, когда девушка пришла к ним позировать, – студентка нуждалась в деньгах – высокая русская красавица с толстой косой. Надели ей тогда сарафан – глаз не отвести: груди в два обхвата, глаза с поволокой. Полтора года держал при себе, картошку на кухне жарила, носки ему стирала, периодически по неделям жила у них – сама-то без квартиры, всё по общежитиям мыкалась. Какое-то время пропадала – в кино снималась, потом опять появилась. Гриша тогда смотрел на это проще – не он первый, не он последний. Вокруг нормальных семей не сыщешь, Лупелины почти мифические и где-то далеко. Да, пожалуй, преподаватель их по искусству как-то домой пригласил: контакт, что ли, налаживал, или по доброте душевной. Так его жена голодных студентов домашними пирогами потчевала, сынишка вокруг вертелся. От того семейного уюта ощущалось не по себе после, что-то в сердце ворочалось... И вот теперь Вера пришла. Собственно, тогда он бросил её, поступил по-свински и даже хуже. Знал, что ей жить негде (в смысле, нормально жить, чтобы поесть-по-

спать-помыться и без тараканов), что из-за него она здесь держится, а бросил – надоело, по-скотски надоело. И теперь хотел прощения просить. Она пришла-то не сразу и с виду независимая – ухоженная, украшенная, с такой на званном обеде появиться не стыдно (за Макса подумал), да и в глазах, пожалуй, уже не голод, а довольство – видать, жених балует и нежит.

– Здравствуй, Вера.

– Здравствуй, коль не шутишь.

– Спасибо, что пришла. Поговорить хотел.

– Говори, чем страдаешь.

– Прощения просить хочу.

– За что же?

– За то, что взял тебя, приручил, а потом бросил...

– Обрато тянешь?

– Тебе и на новом месте неплохо, получше, чем у нас...

Замуж зовёт?

– Зовёт!

– Пойдёшь?

– Пойду, ты ведь не зовёшь. Отпустишь?

– Давно отпустил – даже рад, что так всё получилось. Я ведь за этим и приехал.

– Неужели совесть замучила?

– И это имеется.

– А за аборт как расплачиваться будешь? – понизила голос девушка.

Гриша обхватил голову руками:

– Было?

– Было-было.

– Когда?

– Да ещё ты не уехал, раньше, только тебе не говорила, боялась чего-то, дура. Что бросишь, боялась, а ты и так бросил.

Гриша сидел молча, потом задумчиво произнёс:

– Говорят, грех это. Исповедаться надо. И тебе, и мне.

– В праведники собрался?

– Я серьёзно.

– Я тоже. Если решим венчаться с Максимом, то исповедаюсь, а нет – так нет. Ты же как хочешь. Если можешь, лучше денег дай. У него не прошу – не жена ещё, а квартиру снимаю, сил нет по общагам скитаться.

Гриша вышел, выгреб всю наличность, что имел, и принёс Вере. Та повеселела:

– Ладно, прощай, мой бывший любимый. Пусть и тебе подвернётся какая-нибудь краля, в которую ты втрескаешься так сильно, как я в тебя когда-то.

15

Наутро Гриша, проскрипев зубами всю ночь, побежал перед работой в ближайший храм. Там как раз шла исповедь, читали часы. Увидев священника у аналоя и совершенно не заметив очереди исповедующихся, он бросился прямо к нему и только цепким взглядом художника привычно запечатлел, что батюшка совсем юн – вряд ли старше его само-

го – и очень уж чёрен: чёрные, как смоль, волосы, чёрные брови, чёрная бородка и одет в чёрное. Словно боясь что-то забыть или утаить от ложного стыда, стал быстро рассказывать тому всё: и про аборт, и про Аделаиду, и про нетрезвую жизнь свою, полную небрежения к собственным душе и телу. Не перебивая, батюшка терпеливо выслушал духовного юнца, развращённого, но не развратного. Возможно, понял, что перед ним тот случай, когда из неверия и небытия душа воскресает для вечной жизни. В отличие от растущих в верующих семьях и при храме, у таких душ неверие является основой подсознания. Вера вызывает мучительно плодом осознанного, а ежедневная борьба того и другого становится уделом всего существования. Как мог укрепить подобную душу, да ещё с художественным мышлением, молодой батюшка? Он стал говорить о камушках. О цели жизни каждого человека: к ней надо идти и идти упорно, а все грехи на пути – это камушки на дороге, есть помельче, есть и покрупнее размером – иной обойдёшь, а на иной влезть надо, а потом спрыгнуть, да чтоб ноги не переломать, ну а сломаешь – всё равно ползти вперёд.

Отойдя от исповеди, Гриша удивился двум вещам: во-первых, как он не заметил довольно много людей, ждущих в сторонке своей очереди духовного очищения, а во-вторых, что образное выражение «камень с души свалился» имеет под собой почву – камень не камень, а тот ком, что стоял то в области груди, то в горле, а то где-то под рёбрами – ушёл.

О том, что удивительно другое: то, что священник рискнул допустить его до причастия без предварительного говения и молитв, только лишь на пустой желудок (он и правда вчера вечером чаю с сухарями только поглотал, когда остальные пиво цедили), молодой человек опять же совсем не подумал, принял сие в порядок вещей.

16

Еженедельно, обычно в воскресный день, Гриша заходил к Ильиным, ужинал с ними, играл с детьми, иногда оставался ночевать, и всё яснее понимал с каждым днём, что в прежней квартире он жить уже не сможет. Этот мир стал не его: делёж случайных заказов, холостяцкие вечеринки, пустота в холодильнике и бесконечная жареная картошка. Но жил пока и работал – не к Ильиным же перебираться. Веру видел ещё раз, пригласили на свадьбу. Всё обставили красиво, торжественно, даже, пожалуй, богато, хотя народу немного. Венчание молодые решили отложить на потом. Гриша не чувствовал ни ревности, ни сожаления, даже радовался в меру. Господь пристроил Веру в нужное место. Вспомнилось, как стоял он напротив портрета обнажённой Аделаиды, перед тем как расстаться с прошлым, и долго смотрел, проверяя себя, но видел лишь светотень и колорит, вся страстность, так бурлившая ранее под хмельными парами, теперь оказалась то ли скрыта, то ли мертва. Но что он есть сейчас, Гриша ещё не уразумел, и не был ни в чём уверен, кроме того, что где-то живут Лупелины, ждут, а некоторые, возмож-

но, за него, непутёвого, молятся. И так хотелось увидеть Пушистика, вдохнуть запах её волос, услышать её милый, добрый, ласковый голосок. Только увидеть, только вдохнуть и услышать – больше ничего. Он не писал им, всего один раз позвонил, сказал, что всё нормально, работает и к Великому посту надеется приехать. Говорил, конечно, с Татьяной Андреевной, не с Глашей. Только спросил, все ли здоровы. Слава богу, все. У него тоже голова реже болит, что, впрочем, лишь отчасти являлось правдой.

Заработать удалось неплохо. В перспективе назревали новые заказы, теперь можно снять квартиру и остаться в N по крайней мере до лета. В его положении это выглядело удачей, но Савов решил ехать. Прикипев душой к просторам русской глубинки, а более – к усадьбе и её обитателям, Гриша тем не менее аргументировал Ильиным и друзьям-художникам свой отъезд творческой свободой и желанием держать глаз в строгости с помощью пейзажей, а также обязательством закончить семейный портрет, что тоже считалось небезосновательным, по крайней мере, для него самого.

18

На весть о том, что Гриша возвращается, Тимофей Макарович отреагировал скептически:

– Экий ветренный молодой человек – то туда, то сюда, не военный ведь. В его годы пора уже вести оседлый образ жизни.

На самом деле сказал он это скорей шутя, так как отно-

сился к художнику добродушно, заметив к тому же, что присутствие вышеупомянутого протеза вносит заметное оживление в дамское общество, что в их деревенской глуши весьма ценно. Татьяна Андреевна же просто откровенно обрадовалась: раз её любимчик приезжает, значит, здесь ему лучше. Пусть живёт сколько хочет и пишет свои картины. В чистоте своей души она не замечала в Грише угрозу счастью своей дочери, смирилась с холостым положением художника и в этом видела даже некую выгоду для их семьи – всё же мужчина в доме. Глаша заранее настраивала себя на сестринское участие, и это ей теоретически почти удавалось до самой встречи, если не считать почему-то заалевшие щёки. Гришу тут же усадили за постную трапезу, мама Таня принялась задавать бесчисленные вопросы о своей старшей дочери и внуках, о погоде в N и театральных новостях (ах, помнится, они с его матерью по молодости любили посещать театр – и как наряжались, целый ритуал блюли!). Гриша едва успевал ответить на один вопрос, как тут же возникал новый, так что хозяин вынужден был слегка укорить жену излишней торопливостью любопытства и посоветовал дать юноше возможность всё-таки почувствовать вкус пищи. Такая суета, впрочем, позволила Глаше взять себя в руки и немного побледнеть. Татьяна Андреевна, правда, помолчала несколько минут, но дольше не выдержала.

– Гриша, ну а как с работой в N, тебе повезло?

– В принципе работа есть, надо только...

– Что?

– Работать.

– А как твои друзья? Всё те же в квартире?

– Почти. Один женился, двое уехали на заработки в новострой, но остальные остались.

– А... девушка, была у вас там такая красавица с длинной косой?

– Девушка вышла замуж...

– А-а. Ну ты, надеюсь, поживёшь у нас подольше – какие планы?

– В мои намерения входит дописать ваш заказ, раз уж взялся. Вот будете позировать. Тимофея Макаровича необходимо вылавливать. Как вы, Тимофей Макарович? Мне надо три раза по два часа – я пишу быстро.

– Думаю, по воскресениям получится.

После обеда Гришу отпустили к себе обустроиваться. К его приезду протопили печь, помыли пол, и в мастерской сразу стало уютно. Гриша распаковал свой скромный багаж, холсты, краски. Ну что ж, вот он и дома. Юноша на самом деле чувствовал себя здесь дома, если может чувствовать подобное человек, с десяти лет собственного жилья не имеющий. Сучково стало ближе и душевнее, чем N: этот пруд с холодной водой, яблоневый сад, цветник, который они с дедом Макаром обихаживали, дровяник, где он так знаменательно жажнул себя по руке, мастерская, видевшая его прелюбодейства и слёзы покаяния, дом, исторически древний

с дорогими сердцу жильцами. Здесь дышалось по-другому, думалось по-другому – так, как надо. Здесь он готов прожить всю свою жизнь, если... Дальше Гриша себя не понимал. Вот ведь, сбылась мечта: приехал-увидел-вздыхнул (никто не заметил?) – услышал и... ему мало, хочется ещё и ещё – это мука, горькая и сладкая одновременно. Хорошо или невыносимо, когда Глаша рядом, легче ему или тяжелее в её присутствии? Он не может жить без неё и любить не имеет права – слово давал. Да даже если б не давал, всё равно не имеет. Что ж, раз уж случился такой ляпсус в его многогрешной жизни, нельзя показывать свои чувства. Как в больнице, когда он гнал её от себя, а потом уходил из палаты в дальний коридор и там стонал, прижимаясь лбом к холодному окну (думали, от головной боли). Почему-то Гриша совсем не думал, что Глаша может выйти за кого-нибудь замуж – и что ему тогда делать? Он думал лишь о том, как скрыть свою душу и перед ней, и перед её родителями. Это тоже глупо – не рассосётся ведь, но иного выхода пока не видел, а молиться не навыв.

18

Жизнь шла своим чередом, Тимофей Макарович выкупил свечной завод в Грачкино и занялся реорганизацией объекта. Татьяна Андреевна, женщина деятельная, трудилась по благоустройству домашнего быта и шила внукам одежонку на лето, так как по натуре своей была рукодельница и собственноручное шитьё предпочитала купленному. Ещё с зимы они с дедом «заболели» идеей зимнего сада и сейчас по-

жинали плоды своего усердия, а также множили рассаду, хотя дед больше помогал указами и советами, чем практически – годы не те, но дух ещё бодр. Глаша училась, по субботам дежурила в больнице, ездила с матерью на великопостные службы (иногда Гриша составлял им компанию), а по утрам в воскресенье разглядывала себя в зеркало, но потом вздыхала и убирала сие правдивое стекло в ящик стола. Гриша написал Тимофея Макаровича и Татьяну Андреевну, скомпоновал портрет, осталось попозировать Глаше. Он хотел её посадить на улице, но погода стояла холодноватая. Вплоть до Пасхи. По традиции поехали на ночную службу. У Гриши сохранились отрывочные воспоминания детства об этом празднике, но на ночной службе и крестном ходу он ни разу не присутствовал. Они опоздали и в храм не попали, остались стоять на улице. Сначала ощущались тяжесть, темнота и зябкость. Народу собралось много. Хозяин затерялся где-то в толпе, а женщины держались возле молодого, лица у обеих выражали ожидание и серьёзность. Сам Гриша ничего не чувствовал, но стоять возле Татьяны Андреевны и Глаши казалось приятным, он даже предложил им свою куртку, видя, как те топчутся на месте, пытаясь согреться, но они возмущённо отказались – им вовсе не холодно! Наконец распахнулись ворота храма, из него потекла огоньками река таких же ждущих и серьёзных лиц. Пели: «Воскресение Твое...» Пошли крестным ходом. Пошёл и Гриша со свечой. И пока он шёл, что-то случилось с душой. Даже не заметил, как влил-

ся в реку общей молитвы: «Воскресение Твое, Христе Спасе...» – а в носу и глазах щипало-щипало...

19

После Пасхи сразу потеплело. Гриша начал писать Глашу. Так как она светлое время суток училась, опять же, как с Тимофеем Макаровичем, остановились на воскресении, после обеда по два часа с двумя перерывами. Глашу в чёрно-синем вельветовом платье в мелкий цветочек с белым кружевным воротником художник посадил в три четверти к солнцу и позволил читать книгу. Писал Гриша обычно молча, в тишине, без всяких развлекалок – так он легче сосредотачивался. Глаша оказалась некапризной (не то что мама Таня!) и вполне добросовестной натурой – Гриша получал искреннее удовольствие от работы, откровенно любуясь девушкой. Время пролетело так быстро, что оба не желали расставаться и томиться до следующего воскресения. Отпуская раздумывающуюся девушку домой отогреваться горячим чаем, Гриша не удержался и воскликнул: «Ах, Пушистик, какая ты всё-таки красивая!» – чем ввёл ту в страшное смущение, ибо до сих пор она подозревала совершенно противоположное, а услышала первые по-настоящему восторженные слова, обращённые к её внешности. Впрочем, вернувшись в свою комнату, дабы переодеться, девушка пришла к выводу, что весьма обольстилась, т. к. слова Гриши обозначали не что иное, как обычную радость художника от созерцания гармоничной цветовой гаммы. Подобный вывод позволил ей при следую-

щей встрече не смутиться до степени потери речи. На самом деле Глаша не обладала настолько низким мнением о своей внешности, но чувство красоты казалось девушке прерогативнее даже некоторых душевных качеств, даром Божиим, которым лично она не отмечена. Видев в своей жизни не так уж мало, как ей представлялось, красивых женщин и девушек, признаками подобного дара считала те внешние проявления, которые у неё отсутствовали: высокий рост, благородная бледность кожи, огромные глаза с длинными ресницами, осанка балерины, тонкий нос и узкое лицо. Вышеупомянутым объясняется и то, что она простила Грише его связи с прелестницами: и Аделаиду, которую видела собственными глазами, и ту неизвестную девушку с толстой косой из N, которую её мама описала как настоящую русскую красавицу. Гриша – художник: как он мог не любоваться подобными дарами? Иное ей в голову не приходило. Она – не его песня, тот поцелуй – случайность, вызванный минутным желанием пошутить над маленькой круглолицей девчонкой с доверчивым милым выражением. Он, конечно, уже забыл о давнишнем приключении. Некоторым юношам, Глаша видела и понимала, она всё-таки нравится: и в школе соседу по парте, её несостоявшемуся ухажёру Виталию, да и в больнице иные пациенты практически объяснялись ей если не в любви, то в симпатиях, но подобное – ерунда, просто дань молодости и сердечной отзывчивости. Как хорошо сложилось у мамы с папой, как им повезло друг с другом! Тоне тоже повезло, они

с Саввой – прекрасная пара. То, что Тоня ничуть не выше её, не бледнее, да и поокруглее будет – не вселяло в её душу никаких сомнений, настолько сестра казалась Глаше взрослой, доброй и умной, в общем, Тоней с большой буквы.

В следующие воскресенье, после позирования, Гриша и Глаша вместе пошли пить чай в дом – день случился ветренный и оба чуть продрогли, да и, честно говоря, трудно расставаться. За чаем молодой человек выразил желание ещё одно воскресенье писать Глашу, если никто не возражает.

– Гриша, но ведь в следующее воскресенье у Глаши день рождения, мы хотели устроить небольшой пикничок на природе, у малого озера, там так мило и довольно сухо – это обсуждали после Пасхи, ты не забыл?

Нет, Гриша не забыл, но неужели... всё столь быстро...

– Мы, – продолжала Татьяна Андреевна, – хотим пригласить весь её курс и друзей из деревни – пусть молодёжь повеселится. Ты, Гриша, умеешь жарить шашлыки?

– Было дело, приходилось.

– Так, может, возьмёшь на себя попечение о шашлыках?

Гриша согласился. Позирование решили перенести на утро субботы – Глаша предполагала отпроситься на этот день с дежурства.

20

В Сучково имелось два озера: Большое и Малое – их так и называли. У Большого даже сделали «пляж», там же ошивались рыбаки, и народ понастроил бани вокруг. Малое рас-

полагалось глубже в лесу, от Сучково добираться неудобно и долго, а от усадьбы шла хорошая тропа. Поэтому гостей довели (некоторые сами дошли) до усадьбы, и уже оттуда кто пешком, кто на телеге – до Малого озера; для купания оно не слишком годилось, а для пикника – отлично, особенно если комаров поугаать. Тимофей Макарович, Гриша и две девушки-активистки приехали на «Форде» заранее, чтобы всё подготовить. Программа намечалась обширная: шашлыки, чай на костре, катание на лошадях и лодках, волейбол и бадминтон, песни, вечерний костёр.

Пока Гриша насаживал шашлыки (жена Петровича мариновала мясо по собственному рецепту без уксуса) и готовил костёр, Тимофей Макарович и Петрович поставили навес над столом, сложили дрова для большого вечернего огня. Девушки выгружали продукты, расстилали на траве большие скатерти, расставляли на них посуду и украшения. Тимофей Макарович накачал большую резиновую лодку. Ещё накануне они втроём с Петровичем и Гришей сколотили настоящий плот, который дожидался в камышах своих первых озеропроходцев. Лошадей чуть попозже обещали пригнать из Грачкино. День выдался почти совсем по-летнему тёплый. Вскоре стал стягиваться народ. Из группы медучилища приехали девять девушек во главе со старостой и ещё один сокурсник. Деревенских собралось всего пятеро: одна девушка помладше Глаши, одна замужняя и бывшая одноклассница Варя, два друга из Грачкино – всех их Гриша знал с перво-

го своего визита девятилетней древности в усадьбу. Приехал ещё бизнесмен Владислав Семёнович со своими четырьмя сыновьями, разновозрастными отпрысками от двенадцати до двадцати лет (старший только из армии вернулся). Приехал и Виталий с младшим братом четырнадцати лет и родителями. Так что компания собралась разнообразная. Пригласили музыкантов-любителей: баяниста – местного мужичка, две гитары – одной владел бывший одноклассник Глаши – он же и пел, другая принадлежала Владиславу Семёновичу. Из Ялинска заказали семейную пару певцов-фольклористов, они обладали балалайкой. Виновница сего торжества, устроенного в её честь, долго терзалась с утра подбором подходящей для пикника одежды: как любая девица, имеющая шкаф различных нарядов (многие шила мама), браковала их то как слишком светлый, то как слишком тёмный, то «замёрзнуть можно», то «не празднично». Наконец, измученная, надела то самое платье в мелкий цветочек, в котором позировала, и тёплую пушистую кофту на случай прохлады. Любовь Дмитриевна сделала ей причёску, убрав непослушные волосы в два вплетённых хвостика с алыми ленточками. Гости выглядели поскромнее и поспортивнее, и лишь ещё две из присутствующих девушек принарядились в платья (то есть одна – в платье, другая – в юбку). Сначала, как принято, благословясь и возглашая «Многая лета», поели – молодёжь всё время голодная! Кроме шашлыков, жареных сосисок и трёх уток с яблоками, подали пироги с капустой и потрохами, це-

лое ведро салата «Оливье», буженину, копчёную рыбу (выловленную парнями в Большом озере), солёные огурцы и помидоры, солёные арбузы и сушёные вишни, для молодёжи – конфеты, пряники (пекли девчонки из деревни). Пили чай, лимонад и свой квас – спиртного не полагалось, Лупелин категорически запретил даже домашнее вино и наливку. Потом помчались: кто на лошадях кататься, кто на лодке и на плоту, а кто в волейбол поиграть.

Честно говоря, Глаша чувствовала себя счастливой и благодарной родителям за удачный праздник. Столько хлопот! Ей как хозяйке обязывалось со всеми перемолвиться словом. Виталик покатал её на лошади, Ваня на плоту, только она забоялась и перелезла в лодку, где вместе с девчатами, без парней, махала вёслами и чуть не застряла в камышах на другом берегу. Потом все играли в волейбол, смеялись, шумели. Гриша в развлечениях почти не участвовал, возился с шашлыками, ибо они пользовались спросом. Немного посидел за так называемым столом и вернулся опять к костру. Взгляд его, правда, слишком часто – и он ничего не мог с собой поделать – искал Глашу, так хороша была она, разгорячённая от игр на свежем воздухе, со счастливыми искрящимися глазами. Первый раз подбежала к нему, уговаривая покататься на плоту, но мгновенно рядом образовался Ваня, заверяя, что именно он её покатает, а Гриша «пусть о хлебе насущном заботится». Второй раз Глаша позвала его играть в волейбол, и тут он присоединился, даже полчаса лу-

пил со всеми мяч. Потом кликнули слушать музыку и зажигать большой костёр. Они сидели вокруг яркого обжигающего пламени (спасение от обнаглевших комаров), подпевая музыкантам, а на землю спускался вечер. К Грише под села Варя, хорошая, трудолюбивая девушка (именно она хлопотала много, накрывая «на стол»), и они разговорились. Возле Глаши сели Виталий и старший сын Владислава Семёновича – они тоже общались. Задушевно пела семейная пара русские народные песни, дюже слезощипательно.

Уже в сумерках стали собираться и, благодарив хозяев, постепенно разъезжаться. Вернувшись в усадьбу, Глаша расцеловала своих родителей, выражая признательность им за удавшийся праздник, после чего, не в силах сдержать волнение, выскочила на улицу, нашла Гришу, который с Петровичем разгружали остатки пиршества и подсобные принадлежности.

– Гриша! – девушка так близко подбежала к молодому человеку, что от неожиданности он чуть не выронил коробку со стаканами, но тут же, поставив её на землю, обернулся. – Скажи, пожалуйста, только честно-честно, ты на меня ни за что не обижаешься, не сердишься?

– Что ты! – воскликнул тот взволнованно. – Что ты, Глаша (ах, она уже не Пушистик, а Глаша!), конечно, нет. Как я могу обижаться или тем более сердиться на тебя?

– Мне просто показалось... Ну, что ты избегаешь меня, не хочешь со мной разговаривать, будто я что-то не так делаю,

не так себя веду? Показался таким грустным. . .

Ну что мог ответить молодой человек, у которого не получается совладать с собой, подавить в изнывающем сердце трепещущее чувство? Он ответил, ответил то, что уже не мог больше держать внутри, потом обнял и поцеловал как тогда, в детстве, крепко и коротко, следом слегка отстранив от себя. Глаша тихо вскрикнула и бордовая, как закат над лесом, бросилась домой, где отчего-то залезла под кровать, обхватив свои щеки ладонями. Гриша постоял минуту и продолжил разгружать машину. Петрович, единственный свидетель происшедшего, только хмыкнул и, немного обмозговав сие дело, решил пока никому ничего не говорить – авось, само утрясётся.

21

На следующее утро Гриша спал долго – всё никак не мог проснуться: перевернувшись на другой бок, опять проваливался в тишину и безмятежность. Когда, наконец, встал, день развернулся в зените. Вчера вечером он, не в силах успокоиться, долго разбирал эскизы, переделывал композицию семейного портрета и с утра, едва промыв глаза, занялся тем же. Поработав часа два, почувствовал страшный голод и решил сходить в дом чего-нибудь перекусить. Он знал, что Татьяна Андреевна там одна, так что его непременно накормит. Так и случилось. Хозяйка находилась дома, она попыталась научиться основам компьютерной грамотности.

– Вот, – повела рукой в сторону нового в их интерьере

компьютерного стола, – Тимоша купил, ему ведь по работе без этого никак нельзя; велел нам с Глашей так же освоить данную технику. Без неё, говорит, теперь невозможно. А у меня душа не лежит – вроде и любопытно, и любая информация доступна, но я бы лучше повязала. А ты как, Гриша, с этой машиной дружишь?

– Ну, я пробовал компьютерную графику – наши ведь тоже в квартире.

– А как тебе мальчишки Владислава Семёновича? Я уж по-дружески снова – старшой то видный парень. Мы с отцом не станем препятствовать, коли б он Глаше понравился. Виталий тоже парень неплохой, да ведь заберёт родную себе, а этот мог бы и к нам переехать – будет кому дела отцовские передавать...

Гриша мрачно посмотрел на Татьяну Андреевну:

– Я в этих делах плохой советчик – не живопись. Пойду я, мама Таня, спасибо за угощение, премного благодарен.

– Да что ты, посидел бы ещё. Тоня звонила из N, поздравляла сестрёнку; ребята здоровы, мальчишку в музыкальную школу хотят на следующий год отдать – такого шалопая и непоседу.

– Ничего, там и всякие учатся. Пойду я. До свидания.

Спешно попрощавшись, Гриша вышел на улицу, завернул к себе, взял планшет и отправился бродить вдоль пруда. На душе тоскливо ныло. Ясно, для Лупелиных он зять неподходящий; ни кола, ни двора, ни добродетелей – так, субъект

для христианского милосердия. Убежать от себя, да некуда – даже в N всё о Глаше думал, переживал, что не попросились толком, мечтал увидеть, вдохнуть, услышать. И увидел, и даже поцеловал, а легче не стало. Экий, однако, эгоист, всё о себе тревожится, а ей он нужен? Такой... никакой. Остановился у озера, посмотрел на небо – чисто-голубое с белыми кудреватými лебедушками: «Господи, помоги, не могу больше!» Вернулся. Уже и вечерело. В мастерской походил из угла в угол, взялся работать – потыркался немного и опять возвратился на свежий воздух. Стал рубить дрова. Рубил долго, пока руки не затекли. Сел на чурбачок отдохнуть. Через некоторое время услышал звук подъезжающей машины. С удивлением проследил, как из неё вышел одетый в костюм-тройку Виталий с большим букетом алых роз и направился к дому. Гриша окликнул его, тот остановился.

– Ты чего такой нарядный?

– Свататься иду. Глафире Тимофеевне восемнадцать лет, я год ждал. Думаю, теперь медлить нечего, а то вчера женихов насмотрелся: это тебе не N, хороших девчат быстро разбирают... А ты рубишь?

– Рублю...

– Ну да, дело твоё такое – у нас, кстати, тоже порубить надо. Хм, ладно, мне некогда, я пошёл.

Виталий скрылся, Гриша остался его ждать. Кажется, прошла вечность, прежде чем тот возвратился, а на самом деле прошло чуть более часа.

– Сидишь?

– Посиживаю, тебя поджидая. Можно поздравить?

– Пока спешить не стоит.

Гриша подумал секунду, потом кивнул в направлении своей мастерской:

– Зайдёшь? Разговор мужской есть.

Виталий пожал плечами:

– Зайду.

В это время в женской части семьи Лупелиных мир не клеился.

– Почто Виталию отказала? Чем тебе не пара? И так давно ухаживает, на других девиц не смотрит; не пьёт, не курит, зарабатывать умеет. Аль со свиньями возиться брезгуешь?

– Мама, зачем ты так... Ведь не люблю его, причём тут свиньи?

– Большой любви захотелось? Можно и до тридцати лет хотеть, да вот раньше предки наши выдавали замуж за того, кто первый посватается – и жили потом, не разбегались, как сейчас от большой любви. Думаешь, Тоня по сердечному влечению замуж вышла?

– Мама, как ты можешь?! Они ведь так друг друга любят!

– Эх, мала ты ещё, дочка, и глупа, прости, в делах подобных. Не жди большого чувства, от него одни слёзы да разочарования. Ищи мужа, с которым семью создать можно, детей рожать и воспитывать.

– За Виталия я замуж не пойду.

– Ну и не надо.

Женщины замолчали, недовольные друг другом. Татьяна Андреевна мастерила сумочку, Глаша села за компьютер. Так работали, почти не разговаривая, пока не услышали, как вернулся домой с работы хозяин. Он разделся, вошёл в комнату и обвёл домочадцев насмешливым взглядом.

– Что случилось с Виталием? Я его в весьма непривычном, странном виде наблюдал сейчас.

– С Виталием? Он был у нас, правда, но уже давно ушёл, час назад точно. Просил руки Глаши, а она ему отказала. Попили чай, он и ушёл. А что случилось?

Тимофей Макарович хмыкнул:

– Значит, это не вы его напоили?.. Выходит, Григорий довёл до такого состояния...

– До какого состояния? Да расскажи же подробно, в чём дело.

– Я не знаю, в чём. Просто приехал и увидел, как наш с Виталием ковыляют по дороге и, простите, гость на ногах не держится. Григорий меня увидал, попросил телегу, чтобы отвезти друга домой, а то тому за руль нельзя, да и я сам, говорит, не совсем трезв, чтобы в темноте править. Я, конечно, разрешил, они уехали. За своим транспортом, думаю, Хамченко завтра вернётся.

– Точно уехали?

– Уехали. Вот я и думаю, по какому поводу пьянка? Значит, утешались...

– Ох, Гриша, Гриша, – покачала головой Татьяна Андреевна. – У него что, в мастерской спиртное хранится?

Никто ей не ответил, она же, пока кормила мужа, всё причитывала: «Как нам теперь с отцом Виталия разговаривать?»

Уже в десятом часу, когда стали запира́ть двери на ночь, постучался Гриша. Его впустили. Глаша у себя в комнате готовилась ко сну, родители находились ещё в зале.

– Гриша! – воскликнула Татьяна Андреевна. – Ты зачем напоил Виталия Егоровича?

Тот отмахнулся:

– Да мы совсем немного выпили, просто он какой-то хлипкий оказался.

– Ещё бы, – подал голос хозяин, – непьющий ведь.

– Да, – не заметил камня в свой огород молодой человек. – Вы простите, что я так поздно, но мне очень-очень нужно поговорить с Глашей. Разрешите, я недолго, совсем чуть-чуть.

Голос его звучал так умоляюще, что с согласия Тимофея Макаровича мать пошла к дочери в комнату и спросила, не согласится ли та перемолвиться словом с Гришей, как он того жаждет. Хорошо, пусть войдёт.

Юноше разрешили поговорить с девушкой не более десяти минут, потому что уже поздно. Оставшись наедине с мужем, Татьяна Андреевна спросила:

– Может, не надо было разрешать, он ведь выпивши?

– Не настолько, чтобы потерять голову. Подождём.

Они сели и стали ждать.

Гриша вошёл в комнату в первый раз, если не считать, что давно девчонкой Тоня знакомила его с расположением жилых и не совсем жилых помещений, тогда распахнула сию дверь, указала: «Это Глашина комната». Виновница суматохи ещё не переделалась, но волосы распустила и зажгла торшер, когда её застигли известием о просьбе беседы. Она догадывалась, что спешит сказать Гриша, но почему-то не взволновалась и лишь слегка покрылась румянцем, который, впрочем, в полумраке не слишком бросался в глаза.

Гриша закрыл дверь, быстро подошёл к ней, взял, поцеловав, её руки в свои.

– Я больше так не могу. Сегодня Виталик, потом ещё посватается кто-нибудь, а я никому-никому не хочу тебя отдавать. Я никудышный жених – все они лучше меня – но не могу без тебя, Глаша. Согласись стать моей женой.

Девушка опустилась на стул, стоявший рядом, а Гриша – на колени рядом с ней. Она погладила его мягкие светлые волосы.

– Я согласна... но есть ещё мама и папа. Гриша, услышь меня. Приходи завтра к ужину, и будем просить у них благословения.

– А сейчас нельзя?

– Нельзя. Ты прилично оденешься – в самое лучшее, что у тебя есть, купишь цветы для мамы. А пока им ничего не надо знать. Иди к себе. До завтра.

Решительно выпроводив жениха, Глаша совершенно спо-

койно объяснила родителям, что у них возник совместный проект, но т. к. необходимо заручиться советом и помощью, то Гриша придёт завтра вечером, дабы всё обсудить. Если у отца семейства и возникли какие-то сомнения, он благоразумно промолчал, а Татьяна Андреевна – удивительное дело – ничего не заподозрила, даже обрадовалась, что подопечный решил взяться за ум с помощью её дочери.

Что ж, подождём до завтра.

22

Стоит ли гадать, как провёл ночь и следующий день Гриша: спал он или не спал, работал или терзался, молился или бродил по лесу, кушал ли хоть что-нибудь – не знаю, но скажу за Глашу: спала она крепко, отсутствием аппетита не страдала, на учёбу поехала счастливо-ликующая, там тоже не унывала, домой вернулась весёлая и бодрая, лишь ближе к вечеру не могла найти себе занятие, всё из рук валилось, бралась то за уроки, то за книжку, то за шитьё и наведение порядка. Ей всё мерещилось, что с Гришей может что-то случиться: забудет принарядиться, или цветы не принесёт, или вовсе сам не явится. Наконец она настолько себя взвинтила, что мама не выдержала: «Сколько можно ходить туда-сюда? И почему такая красная? Не заболела ли?» Сообразив, как её неприкаянность подозрительна, Глаша предпочла уйти к себе и там бессмысленно усесться на стул и просто ждать, судорожно сжимая в руках книгу. Ясно, Гриша прежде отца

не появится. Может, отец вырвется с работы пораньше? Тимофей Макарович приехал в восемь вечера. Когда они сели ужинать, Татьяна Андреевна обратилась к дочери:

– Может, Гришу позовёшь?

– Хорошо, – отозвалась девушка и выскочила на улицу. Савов словно ждал её, нерешительно застыв на пороге, бледный, но аккуратно одетый, с цветами и пронзительно-отчаянным взглядом, почти таким же, как тогда, когда он прятался за дровяником, истекая кровью. Глаша опять всё поняла, взяла его за руку и...

Они зашли. Не давая времени удивиться подобному совместному явлению при параде и с цветами, Гриша сразу начал говорить, впрочем, весьма сбивчиво, перескакивая с одного на другое:

– Уважаемый Тимофей Макарович, дорогая Татьяна Андреевна, я вот пришёл сегодня, сейчас... просить... то есть мы вместе хотим просить благословить нас с Глашей... Я сделал ей предложение, а она, добрая душа, согласилась стать моей женой. И вот мы просим вашего благословения...

Тут Гриша сконфузился, замолчал, всё более и более бледнея – Глаше даже показалось, что ему опять потребуется медицинская помощь. Татьяна Андреевна, мягко говоря, весьма поразилась происходящим; на несколько секунд повисла тишина, ибо и хозяин не находил нужным так сразу изъявить готовность восторгаться или возмущаться. Наконец, привстав, родительница прошептала:

– Глаша, это правда?

– Да, мама, всё в точности так и есть. Вы не переживайте, давайте кушать, чай пить, и поговорим.

– Да-да, дочка, давай... Садитесь.

Гриша сел, Глаша поставила цветы в вазу и села рядом.

– Но почему, – словно очнулась Татьяна Андреевна, – почему я до сих пор ничего не знала? Как же вы скрывали?! – с укором воскликнула она.

– Ну отчего же, – вставил слово Тимофей Макарович. – Я тебя предупреждал, а ты – вздор!

– Да, сейчас припоминаю, – Татьяна Андреевна чуть помолчала. Молодые смотрели на неё. Наконец она решилась.

– Дорогие мои дети, вы мне оба очень дороги, но, прежде чем мы с отцом решим наше общее будущее, я прошу – я настоятельно прошу – нам надо с каждым из вас поговорить наедине. Глаша, выйди, пожалуйста, на улицу, мы тебя позовём.

– Хорошо, – девушка пожала под столом Гришину руку и вышла.

– Тимофей Макарович, что-либо желаешь сказать? – обратилась к мужу Татьяна Андреевна, как только дочь покинула помещение.

– Чуть позже, ибо, чувствую, некоторым необходимо высказаться.

– Да, ты прав. Гриша, знаешь, я люблю тебя: к сыну моей лучшей подруги, упокой, Господи, её душу, я всегда стара-

лась относиться по-родственному и надеялась, что он станет братом моим дочерям. Я не ожидала... такого возмутительного удара в спину. Понимаешь, хорошо понимаешь, почему так говорю. Буду честна и откровенна: я мечтала выдать Глашу замуж за... православного состоятельного мужчину без... порочных наклонностей, чтобы он не развратил её и мог содержать семью. Что можешь дать моей девочке ты? Как вообще ты мог просить её руки, да ещё у нас за спиной? Я просто не знаю, что делать, – женщина всплеснула руками, на глаза навернулись слёзы.

– Успокойся, жена, – это хозяин заговорил. – Из своего опыта могу сказать, что нельзя судить человека по его ошибкам. Григория ведёт Бог, и, мне кажется, туда, куда нужно. Будет ли от него толк – от него самого зависит. И от нас. Возможно, что с Глашей – будет, без неё – вряд ли. Если у них сильное серьёзное чувство одно на двоих, нам не судить, а помочь надо. А что бит был, так за одного битого двух небитых дают. Во всяком случае, негоже нам от такого зятя отказываться.

Гриша всё это время молчал, переживая ширившийся ком в груди. Татьяна Андреевна во всём права (она ещё не всё знает!), а Тимофей Макарович незаслуженно милостив к нему.

– Спасибо вам обоим, и вам, Тимофей Макарович, и вам, Татьяна Андреевна. Ваши упреки совершенно справедливы, а доверие окрыляет. Я действительно развратник и пьяница,

но, надеюсь, заплатил за свои грехи сполна. Какой сложится жизнь дальше, не знаю, но Глашу не обижу и... изменять ей не намерен. Если благословите нас – очастливите, а если нет, то... мне придётся уехать, потому что не могу без неё, пробовал уже.

В наступившей тишине послышался скрип лестницы, это Макар Ильич спускался со второго этажа, держа в руке бутылочку, он добродушно похихикивал, несомненно, каким-то своим мыслям.

– Вот я и говорю, – обратился дед к собравшимся, – розы – ещё те пьяницы: капнул им по капельке, а они распушились.

Деда усадили пить чай, Гришу отпустили и позвали Глашу. Девушка почти не волновалась, или ей так показалось. Она даже улыбалась, глядя на своих горячо любимых родителей.

– Глаша, доченька, – мать бросилась ей навстречу и расплакалась, обнимая: – Скажи, скажи честно, как это получилось? Любишь ли ты его? Может, он соблазнил тебя? Отвечай честно, это очень важно!

– Мама, папа, Гриша – хороший, вы не понимаете его, а он добрый, честный, мужественный. И я его люблю – это честно... Давно люблю – думаю, дольше, чем он меня.

– Давно? – это уже папа. – И как давно?

– С девяти лет.

– Хм, Глаша, ты шутишь?

– Нет, именно тогда я поняла, что только за него пойду

замуж, это не шутка.

– Гриша знал об этом?

– Нет, и сейчас не знает. Он ведь меня всячески избегал. Знаю, у вас есть к нему претензии, но я всё прощаю и вас призываю поступить так же. Мамочка, ведь какое нужно иметь мужество, чтобы порвать с той красивой женщиной с решимостью даже до смерти. Мама, папа, разве вы не поняли – он ведь сознательно на смерть шёл тогда! Папа, ты-то понимаешь?

– Понимаю.

– И потом... я вам сразу скажу: если не за Гришу, то ни за кого больше замуж не пойду, ни за Виталия, ни за Валентина.

Татьяна Андреевна продолжала плакать, сидя на диване, никак не могла успокоиться. Тимофей Макарович послал Глашу сказать юноше, чтобы за ответом он пришёл завтра в то же время, потому что у матери истерика, она не в состоянии сейчас объективно мыслить. Хозяйка усадьбы действительно не скоро успокоилась, хотя Макар Ильич принёс ей три свои самые «пушистые» розы. Понадобилось авторитетное мнение хозяина, прежде чем она смирилась с предстоящим будущим. Лупелины благословили детей на брак. Следующим вечером все долго сидели за чаем, обсуждая приготовления к свадьбе, саму свадьбу и дальнейшую взаимную жизнь. Было решено следующее: свадьбу справить после Петра и Павла, а до того заняться ремонтом дома – в частности той его части, где намеривали поселить молодых. Де-

ло в том, что усадьба имела два входа, второй вход шёл со стороны внутреннего двора, вёл в сад и обходной тропинкой вокруг дома к парадным дверям. Данная половина имела веранду, узкий коридор, ведущий в основные жилые помещения, от него шли двери в тёплый клозет и кухню с одной стороны, и на лестницу с умывальником с другой стороны. Лестница вела на второй этаж с тремя несмежными комнатами. Этой частью дома пользовались только с приходом гостей, а сейчас решили её отремонтировать и подарить молодым. Мастерская, естественно, оставалась за Гришей. Деньги на ремонт выделялись Лупелиными, но руководить работой обязался жених – ему же там жить. Свадьбу справлять надумали тоже в усадьбе, благо впереди лето, можно поставить столы под навесами прямо на улице. Дальше начались предсвадебные хлопоты. Разослали приглашения, шили подвенечное платье, закипела работа по ремонту и стройке (заодно подлатали крышу, проложили автономное отопление на каждую часть дома и починили ступени). Глаша сдавала последние экзамены, Гриша умудрялся руководить ремонтом и заканчивать семейный портрет – хотелось до свадьбы. Тимофей Макарович приходил в ту часть дома, посматривал, побрякивал, помогал по мелочам при необходимости, но старался не вмешиваться. Как вёл дела будущий зять, ему нравилось. Деньгами не сорил, но и за дешёвкой не гнался. До поста и весь пост кипела работа, и, надо сказать, вторая половина дома, бывшая до сих пор малопривлекатель-

ной и сырой, преобразилась. Гриша прислушивался к каждому мнению (особенно волновалась Татьяна Андреевна, из неё сыпались указания и советы, как из рога изобилия), но умел настоять на своём, одному ему видимом вкусе и чувстве меры. Была обновлена гравиевая дорожка ко входу, сделаны поручни и козырёк на крыльце – заказ выполнял кузнец – умелец из Грачкино. Веранда частично остеклена заново с использованием витражного фриза, на самой веранде отремонтировали пол и поставили утеплённые входные двери, что позволяло там в зимнее время поддерживать не столь низкую температуру. Провели электричество для использования альтернативного освещения, а именно: четыре небольших фонарика по всем сторонам включались отдельно по мере надобности и создавали атмосферу вечернего комфорта. Здесь стоял стол с самоваром, стеллажи вдоль одной фасадной стены и шкаф-купе-гардеробная вдоль другой, диванчик, три кресла, табурет тёмного дерева. На полу лежала циновка, и весь вид веранды производил уютное впечатление – в будущем действительно сия часть дома для некоторых стала излюбленным местом времяпрепровождения. Да, на случай весенне-осенних заморозков стояли два масляных радиатора по боковым сторонам. Диванчик, правда, вскоре перекочевал на уличную веранду, а сюда переместился более внушительный, на котором летом можно переночевать. Узкий коридор, столь мрачный в прежние времена, оклеили светлыми обоями с лёгкой зеленцой. Точечное освещение

вдоль двух стен под потолком зрительно раздвинуло его границы. Неудобство этой части дома заключалось в отсутствии подходящего места для гардероба, вот тут пришлось немного поспорить, в результате вопрос решился следующим образом. Летняя гардеробная выносилась в купе на веранду, а зимняя – под лестницу, где раньше размещались кладовка, котельная и умывальник. Кладовка и котельная остались, а на стене, где располагался умывальник, теперь сделали гардероб. Умывальник, душевая и унитаз поместились в отдельной туалетной комнате, ранее забитой хламом, как и кладовка. Кухонька изначально прилагалась небольшая, но по Глашиным требованиям включала всё необходимое: плиту, стол для готовки, холодильник, кухонный шкаф с посудой, мойку и столик посередине, вокруг которого с трудом, но смогли поместиться четыре стула. Решили, что вышеупомянутого достаточно, ибо обеды всё равно планировались общие в гостиной. Уют тут создавала Глаша, она же закупала в городе всё необходимое для комфортного домоведения (как оказалось, кухонная утварь значительно обогатилась свадебными подношениями). Лестницу на второй этаж тоже обновили, прокрыв мягкой дорожкой неожиданно весёлой расцветки. Три комнаты наверху отделали соответственно назначению, две поменьше по краям и среднюю – побольше. Сначала Гриша хотел из двух сделать одну, но вскоре передумал, всё-таки три комнаты – не две. Комната слева превратилась в спальню: большая кровать с прикроватными столи-

ками, шкаф-стена и любимое Глашино трюмо из прежнего жилища – вот и вся обстановка (еще тёплый пушистый ковёр на полу). Комната справа предназначалась пока для гостей и вмещала в себя мебель из того же девичьего интерьера: шкаф, письменный стол, кровать, комод. В отдалённом будущем ей отводилась роль детской. Центральная комната имела декоративный балкончик – выходить на него из-за ветхости не рекомендовалось, но на лето молодые решили развести там цветник, дед Макар обещал презентовать лучшие сорта роз из имеющихся у него. Сама комната казалась довольно просторной и светлой – самой светлой из всех трёх, возможно, потому, что мебель Гриша подобрал в пастельных тонах: диван, книжный шкаф, кресло, журнальный столик, большой письменный стол для Глаши. В коридоре второго этажа лестничный проём в целях безопасности обшили красивой кованой решёткой. Во всех комнатах висели пейзажи, а на стене коридора Глашины фотографии, в основном детские, которые Савов выпросил у Татьяны Андреевны. Правда, невеста потребовала со стороны жениха добавить свои, и ему пришлось порыться в архивах, в результате вернисаж пополнился одной армейской (очень смешной!) и одной детской с мамой. Позже вывесили свадебную – точнее, венчальную, на фоне храма. В бывшую Глашину комнату переселили дедушку, так как ему уже тяжело становилось подниматься на второй этаж. Бывшую дедушкину оставили для гостей, которые не замедлили съезжаться на праздник Петра

и Павла. Основная часть дома имела внизу гостиную и две комнаты, да три комнаты наверху.

На свадьбу приехали: Тоня с мужем и детьми, Вероника, Гришин друг – художник Зурбан (его и поселили в комнате справа), брат Тимофея Макаровича с женой. Были приглашены Глашины однокурсники и те, кто присутствовал на её дне рождения, на венчание, ЗАГС и пиршество. К удивлению Татьяны Андреевны, для Ильиных весть о наметившемся бракосочетании не явилась сногсшибательной – Тоня с мужем ранее перешептывались между собой, что эти двое подозрительно краснеют и смущаются в присутствии друг друга. Татьяна Андреевна пришла к выводу, что лишь она одна не замечала вплоть до знаменательного момента двух сватовств подряд. Ильины же искренне радовались и изъявили готовность всячески помогать в подготовке к празднеству. Вероника приехала за пару дней до венчания, так как участвовала в спектаклях и не могла вырваться раньше. К этому времени портрет Гриша дописал, и тот висел в гостиной на обозрение желающим. Как-то, будучи вдвоём за утренним чаем (с предсвадебными хлопотами всё смешалось в семье Лупелиных – завтракали, кто, когда и чем получалось), Вероника, наблюдая за счастливой сестрой, спросила её:

- Ты много позировала для портрета?
- Три раза по два часа, по воскресениям. А что?
- Я тоже, только раньше тебя – помнишь, на зимних ка-

никулах... Гриша ничего тебе не говорил обо мне?

– Нет... а что он мог сказать?

– Ладно, прости, сестра, не хотела тебя смущать перед свадьбой, но скрытничать не люблю. Я тогда... Ну, в общем, нравился он мне. Я сейчас сознаюсь, потому что, во-первых, у меня парень появился, а во-вторых, не думала я, что и ты в него... Вот. Тогда, когда я ему позировала в мастерской, мы ж одни находились. Если кратко, я его соблазнить хотела, одним словом, предлагала себя. Знала, имелась у него девушки раньше, что стоит такому и меня осчастливить. Я бы никому не сказала. А тогда подошла к нему, обняла, хотела целоваться, да не умела же, глупая, рассчитывала: опытный молодой человек научит... Да не смотри ты на меня такими глазами, и не бойся, не согрешили мы. Не захотел он меня. Ты, говорит, красивая, да не моя. Хоть бы поцеловал... А я обиделась, даже раньше уехала – помнишь? Ну, дурой оказалась... Коли бы знала, что ты к нему неровно дышишь, не стала приставать... Впрочем, вру, знала, то есть догадывалась каким-то внутренним чутьём – так-то у вас ничего незаметно со стороны, и, наверное, злилась: я же красивей тебя и лицом, и фигурой, да и не глупее, а он не видит. Вот так, сестрёнка, думай, что хочешь...

Глаша не понимала, как ей реагировать. Жаль сестру – очень жаль, – но внутри она содрогалась подобному поступку. А ведь Гриша ей ничего не говорил!

– Вероника, тебе покаяться надо, на исповедь сходить: как

же ты другого полюбишь?

– Да ну тебя, это всё ваши с мамой штучки. В чём мне каяться? В том, что парень нравился и любви его хотела? Но ведь не получилось. Перестань. И матери не говори, я ж тебе по-сестрински. У меня сейчас есть бойфренд, и всё у нас хорошо.

– Поженитесь?

– Когда-нибудь, мне ещё шестнадцать, училище закончить надо.

– А ему сколько? Как зовут?

Но тут разговор прервался, в гостиную вошла Татьяна Андреевна.

23

Свадьба.

Церемонию венчания назначили через полчаса после литургии, чтобы невеста могла переодеться, а все остальные настроиться на праздничный лад. Лупелины решили причаститься все, отказалась только Вероника, сославшись на недомогание. Но вот отошла литургия, и молодые, оба красивые внешне и внутренне, смущённые от избытка внимания, светящиеся от ожидания предстоящего, стояли на пороге таинства.

Глаше ранее приходилось бывать на венчании – своей старшей сестры и подруги, а Грише такая честь выпала впервые, да ещё в качестве жениха. Как человек недавно повернувшийся к божественным заповедям лицом, он оказался

просто потрясён значительностью происходящего таинства, в котором участвовал. Стены храма словно раздвинулись для него, и повлекло к себе что-то светлое и доброе, которое не хватало времени и ума осмыслить сразу, хватало только на то, чтобы почувствовать: это не для него одного, а для двоих. Глаша же вдруг поняла, что за порогом храма начнётся другая жизнь, не: «Отныне рубль на обед и пять копеек на билет» – это прощание с детством, в котором мама и папа тебя прикроют, чтобы ни случилось. Она, милая для них дочка Глашенька, такая домашняя, вдруг, едва вынырнув из детства, сразу очутилась в замужестве. И девочке захотелось оглянуться во вчерашний день, схватиться за прошлое, любезное сердцу. Лишь рядом стоящий Гриша успокаивал её: с ним нестрашно, с ним одним нестрашно; чувство одиночества жизненного эгоцентризма постепенно сменилось доверием к своей соединенной в тайне половине.

Молодых обвенчали. Они стояли, улыбались, красивая счастливая пара, принимали поздравления и цветы. Всё, что будет в семейной жизни, – ещё в будущем, а сейчас – их час, благодатный день божьего благословения. После церкви все едут в ЗАГС, там гражданская церемония кажется необходимо-скудной процедурой, но множество празднично одетых и настроенных людей, любующихся юностью, радостью, благополучием привносит тёплый оттенок. К трём часам пополудни возвращаются в усадьбу. Там накрыты столы, и ансамбль музыкантов встречает маршем Мендельсона.

Всем весело, всем хочется кушать. Молодых сажают, пьют за их здоровье, кричат «горько» – всё как полагается. Шум, гам стоит невероятный: музыканты играют, дети бегают, на столы несут всё новые и новые блюда, народ общается, молодые томятся. Потом все поют, кто умеет и желает, потом танцуют, кто умеет и не умеет. Гриша шепчет Глаше на ухо с ужасом: «Я танцевать не умею!» – и та вытаскивает его из-за стола прогуляться. На природе они сталкиваются с Виталием и Варей, те приглашают их на свою свадьбу, которую собираются отпраздновать в последних числах августа, после Успения. Мужчины понимающе переглядываются: им одним понятно, что во время небезызвестного сватовства Виталия Гриша настоятельно советовал последнему обратить внимание на хорошую девушку Варю.

Потом молодые идут на берег пруда, где долго целуются, как могут только новобрачные, длительно ожидавшие своего счастья.

На этом можно закончить повесть о создании новой семьи, но, заглядывая чуть дальше, чуть дальше любой свадьбы, можно увидеть немало парадоксального с житейской точки зрения.

Глаша

Часть 4

Числившееся за Глашей наследство оказалось по большому счёту неожиданностью для её супруга. Выросшая ребёнком, не знающим нужды, девушка терялась в планах, как и куда употребить имеющиеся средства, поэтому доверилась мужу. Гриша давно обратил внимание на один дом в городе, двухэтажный, с большим залом, с огромными застеклёнными окнами. Он сдавался целиком весьма задорого, чем и объяснялось то, что съёмщики надолго не задерживались, здание стало нуждаться в ремонте, но цена за аренду не снижалась. Его местоположение считалось удачным и при достаточных вложениях могло использоваться с выгодой. Разузнав все нюансы, посоветовавшись с Тимофеем Макаровичем, Гриша арендовал дом на длительный срок и занялся его ремонтом. То, что он задумал, а именно культурный центр, казалось сомнительным. Городок маленький, покупателей и вообще любителей искусства днём с огнём не сыщешь. Но рядом две школы, много деревень, дом престарелых (да-да, это имело значение), туристы наезжают – стоило рискнуть. Планировалось на первом этаже устроить выставку-продажу картин и предметов рукоделия, в том числе выполненных пенсионерами, детьми-инвалидами и просто талантливыми жителями; тут же водрузить рояль и при хорошей акустике и подобающем убранстве устраивать концерты классической и народной музыки (музыкальная школа тоже имелась в Ялинске!), возможно – чай на травах (местных) и пирожки домашней выпечки (кто только за это возъ-

мётся?). Второй этаж отводился для занятий изобразительным искусством, бисероплетением, вышивкой для различных групп детей, подростков, взрослых, пенсионеров и онкобольных. Следовало заняться продвижением бюджетного финансирования или получения гранта – в этом мог помочь только бизнесмен Лупелин, у которого заначены свои ходы и знакомства и который взял проект под свой патронаж.

На свадьбу отец Глаши подарил молодым новую машину Lexus, Гриша выучился на права, но согласился водить только по доверенности, что, впрочем, не мешало ему свободно передвигаться. Почти два года занимался он ремонтом, оснащением своего центра и оформлением документов. В это же время произошло несчастье – у Тимофея Макаровича случился сердечный приступ. Он выкарабкался, но после имел долгий разговор с Гришей. Дело в том, что ему некому было оставить своё дело, «если что случится» – ни Глаша, ни Татьяна Андреевна, ни Вероника не годились – у них не чувствовалось нужной жилки. Мог подойти зять старшей дочери, но он не готов переезжать в Сучково, у него свои дела в N неплохо идут. Тимофей Макарович просил Гришу принять участие в бизнесе, чтобы ориентироваться в теме (у компаньона четыре сына, есть кому дела передать). Гриша согласился помогать главе семейства. Конечно, теперь целыми днями его не видно дома, и зачастую лишь в воскресный день художник лишь на пару часов мог вырваться на этюды. Глаша осталась одна. Нет, сначала она не жаловалась. Гри-

ша, обычно сдержанный в своих чувствах, оставался с ней всегда добр и нежен. Но... началось с того, что молодая жена поняла: готовить она не умеет – ну не дано. Хотя общий обед и ужин всегда ждал у родителей, но с очень раннего утра Глаша провожала мужа на работу и готовила ему завтрак. Гриша не привередничал, но вскоре уже не мог кушать пригоревшие каши (почему они всегда пригорают?) и сырые оладьи, попросив ограничиться чаем-кофе с варёным яйцом и сухарями, можно бутербродом. Собирать ему с собой обед она не догадывалась, пока Татьяна Андреевна сама не предложила и на Гришину долю готовить перекус. Вечером зачастую Савов не хотел тревожить Лупелиных, потому что возвращался поздно, и предпочитал покушать у себя. Глашу же бросало в краску: ей одинаково трудно оказалось сознаться в том, что картошка сгорела и пережить сознание, что муж голоден, поэтому она забиралась в кровать под одеяло, делая вид, что от усталости заснула. Грише приходилось готовить себе самому – это после целого дня работы, – и у него удивительно вкусно получалось, даже макароны не слипались; а Глаша удручалась стыдом, тем более что муж ни разу не упрекнул её в том, в чём имел полное право упрекнуть.

Вскоре после свадьбы забеременев, она продолжала учиться, ей зачли курс в апреле, за несколько дней до родов. Родила Глаша мальчика, спокойного очаровательного карапуза. Через год и месяц, уже закончив училище, она родила девочку. Стало невыносимо трудно: быт свалился на

неокрепшие плечи и на неокрепшее сознание неподъёмным грузом. Она училась, имея одного малыша рядом, другого – в животе, должна следить за хозяйством, порядком, едой.

Когда родилась девочка, наняли приходящую няню, да по-лы раз в неделю мыла жена Петровича, но с малыми детьми следовало мыть чаще, а Глаша уставала и не понуждала себя. Любовь Дмитриевна, известная своей приверженностью к чистоте и порядку, иногда на неделе заглядывала на их половину, непременно морща нос: «Фи, Глаша, опять у тебя грязь, бардак!» Подобные упрёки трудно переносились, легче казалось решиться пойти на работу, о которой мечтала все годы учёбы. Но кто будет с детьми? Дети или работа? Унылая бесконечна серость или самореализация? Услужливое воображение посылало проплывающие перед глазами картины: она с всколоченной головой, в грязном халате с засаленным фартуком и со шваброй в руке, из кухни доносится запах сбежавшего молока и вой сопливых детей, кучи детей! Ночные капризы (малышка плохо спала) вовсе подвергали её в дикое раздражение. Глаша уже сомневалась, так ли прекрасно иметь маленьких бэби, и не правы ли те, кто откладывает подобное произведение на потом. Ей ведь всего двадцать!

25

Против дома, где велись строительные работы, остановился белый автомобиль «Шевроле».

– Здесь? – спросила Аделаида.

– Ага, – довольно хмыкнул мужик за рулём.

– Давно?

– Дык с четверга начали.

– «Крыша» кто?

– «Озон».

– Конкурирующая фирма, – неожиданно визгливым голосом прокомментировал дебилообразного вида молодой человек на заднем сидении.

– Он часто там?

– Мы проследили, пока каждый день приезжает. Тачка у него крутая...

– Знаю, – недовольно перебила женщина. – Удачно женился... Ты, Кирилл, и ты, Мигало, пойдёте туда. Спокойно, без угроз и хамства, скажите ему, что хочу поговорить. Если согласится, ты, Мигало, вернёшься за мной, и подождёте меня, где скажут. Если откажется – уходите, в драку не ввязывайтесь, наверняка всё «под колпаком», но хамить можно, даже хорошо. Пошли!

Кирилл и Мигало неспешно поднялись по ступенькам, позвонили. Им открыли ребята из «Озона» – в Ялинске все охранные фирмы знали друг друга, как облупленные. Кирилл вежливо объяснил, что ему нужен Григорий Савов – есть важное дело. Им разрешили войти. Гриша спустился сверху, сразу признал Кирилла, второй явно другой – руки, естественно, им не подал.

– Что нужно?

– Хорошо живёшь, художник. Видать, разбогател – не

иначе, картину выгодно продал?

– Да и ты, старый знакомый, неплохо устроен. Никак, в фавориты продвинулся?

Тот радостно гыгыкнул, из чего Гриша понял, что угадал правильно.

– Так что нужно?

– Ну это, ты не загордись, всё-таки в одном болоте квакали, – и он опять хохотнул, довольный своей шуткой. – Аделаида Марковна поговорить хочет. Примешь?

– Деловой разговор?

– Естественно, деловой – о чём ещё можно говорить с женатиком?

– Хорошо, поговорю.

Гриша решил, что лучше согласиться, хотя встречаться с Аделаидой не стремился. Не воспоминаний боялся, предчувствовал разборки, он ведь хапнул престижное место, разборки казались неизбежными. Аделаида вошла. Странная получилась ситуация: двое напротив друг друга, охрана возле каждого. Они не виделись чуть больше года и с любопытством всмотрелись друг в друга. Гриша, казалось, внешне не особо изменился, и всё же это уже не тот Гриша – больно кольнуло женское самолюбие, – к его внешним качествам добавилась уверенность, основательность в жестах и взгляде. Теперь это мужчина, за которого можно спрятаться. А Аделаида за год сдала. Вроде та же, но Гриша почувствовал закат её могущества: больше краски на лице, слишком молодящая

одежда, злобные огоньки в глазах.

– Здравствуйте, Григорий Константинович.

– Здравствуй, Аделаида Марковна.

– Я рада, что в нашем городе оседают такие люди.

Гриша не ответил, Аделаида секунду помолчала.

– Раз уж ты решил начать свой бизнес, надо посоветоваться с теми, кто занимается им давно, не перебегать дорогу. Большой художественный салон – моя давнишняя мечта: можно объединиться, ведь мы старые друзья и хорошо поймём друг друга. Я готова делиться.

Гриша понял. Аделаида не хочет упускать своего: жадность, расчёт, страх потери, женская несостоятельность – всё смешалось в её душе. Гриша нужен ей, она готова купить его, обменять на что угодно или... объявить войну со всем жаром своей женской мстительности до готовности, пожалуй, даже физически убрать его. Но он не колебался, потому что однажды сделал свой выбор, и теперь испытывал к Аделаиде только жалость, которую, впрочем, не захотел показывать. Гриша покачал головой, аргументируя отказ так:

– Сама понимаешь: нам нельзя вместе... работать, слишком разный подход... деловой, – и решил добавить для полной ясности. – Я ведь женился не по расчёту, я женился по любви.

Аделаиду аж бросило в краску – стало заметно и сквозь пудру.

– Значит, повезло дуре. Не той ли, что встретила тебя в

Сучково, невзрачная такая, толстомордая?

– Позволь и тебе счастья пожелать: Кирилл – видный парень, высокий, накаченный, в искусстве разбирается.

Гостыя намёк поняла и еле взяла себя в руки – последнее слово должно остаться за ней.

– Гляди, Григорий, счастье – оно ведь такое: сегодня есть, завтра – нет. Впрочем, как и жизнь... Прощай.

– Прощайте, Аделаида Марковна.

Она вышла, за ней – телохранители. Гриша показал своим проследить. Оставшись один, вздохнул глубоко. Казалось, только жить начал. Неужели всё? Только бы Глаша не узнала, ведь ребёнка ждёт, ей нельзя волноваться.

26

Дочка спала плохо, плакала по ночам. Первый год её жизни стал для Глаши кошмаром, нервы расшатались, преследовали депрессивные мысли и слёзы. Только Гриша мог её успокоить: он брал руки жены в свои, дул на волосы, а она прижималась к нему, боясь дышать, настолько становилось хорошо. Но Гриша часто только ночевать приходил, дома едва перекусывал, обнимал родных и засыпал, не донося головы до подушки. Глаша жалела его и сердилась на дочку, которая плачем могла разбудить папу. Через год девочка спала лучше, и мама вышла на работу, как хотела, в дом престарелых. Какое счастье! Со своей общительностью и доброжелательностью Глаша для стариков стала отдушиной, в болезнях утешительницей: укол сделать, капельницу, клизму,

переодеть, помыть – всё без ропота, с тёплым словом каждому. Так прошёл ещё год. Гриша за это время стал известным человеком в городе, его центр заработал, Тимофей Макарович помог пробить бюджетные места и федеральное финансирование проекта. Частично работал Савов и у Лупелина, тот забрал бы его целиком, но зятю не «разорваться». Гриша затруднялся понять сперва, почему Аделаида не стала ему мстить, пока не узнал, что ей внезапно стало не до него: слишком приблизив к себе телохранителя, эту гору мышц с амбициями, она пригрела змею, образно говоря. Обнаглев, тот растратил без спроса её деньги, вложив их в сомнительное дело с криминальным уклоном, тем самым засветил и хозяйку. Кириллу посадили, а Аделаиду Марковну долго держали под следствием, ей еле удалось откупиться с условием уехать из города. Она скрылась на Дальний Восток и, говорят, начала с нуля, но довольно шустро раскрутилась. Замуж так и не вышла. Гриша остался единственным владельцем художественного салона в Ялинске. Дети росли с няней да бабушкой. Старший мальчик, добрый, заботливый, опекал слабую здоровьем младшую сестру, они везде ходили вместе, играли в одни игры, совсем не ссорились. Ему исполнилось три года, а ей два, когда они утонули в пруду. Случилось так, что в тот день няня отпросилась домой пораньше (обычно она уходила, когда Глаша возвращалась с работы), оставив детей на бабушку. Та не велела им выходить самим из дома, двери закрыла на щеколду, легла полежать – у неё боле-

ла голова. Не заметила, как задремала. Проснулась от гнетущей тишины в доме, бросилась искать детей. Глядь: двери открыты. Перепугалась, бегала по двору, позвала Петровича с женой, стали искать вместе. Помчались на пруд. Пруд, чтоб дети в него не лезли, обнесли со стороны дома заборчиком. Рядом валялось ведёрко. Петрович вошёл в воду и недалеко от берега обнаружил их тела. Вероятно, девочка полезла с ведром через забор и бултыхнулась, а мальчик – за ней, да не смог вытащить. С Татьяной Андреевной сделалось плохо. Позвонили родителям. Что дальше говорить, горе есть горе, трагедия страшная, все оказались в великой депрессии, хоть батюшка и утешал их ангельскими чинами страдальцев. Детишек отпели, похоронили, Татьяна Андреевна, поседевшая в один час, Глаша, Ильины в N стали читать псалтирь. Гриша со дня сватовства Виталия (который, кстати, женился и был доволен супругой), вот уже четыре года практически не пил, так, иногда, за встречу с Ильиным рюмку или с дедом Макаром за упокой солдатиков. А тут запил, и у Глаши опустились руки. Татьяна Андреевна тоже не могла помочь – сама всё время плакала, корила себя за недогляд. Ильины, приехавшие на похороны, уехали. Глаша опять осталась одна, теперь совсем одна: Гриша в мастерской, мать валерьянку глотает, не слышно детского лепета и топота – тоска глубокая, всепоглощающая, и могильная тишина кругом. Она позвонила сестре в N, они разговорились. Тоня спросила про Гришу, Глаша так и ответила: кушать не приходит, пьёт у себя в

мастерской, на работе уже почти три недели не появляется, она сама туда навевается, кое-как дела улаживает, чтобы ничего не пропало.

– Ну, а ты что – так и бросаешь Гришу – пьёт, ну, и пусть пьёт?

– Не могу, Тоня, хочу пойти к нему, а не могу. Я ведь кругом виновата: я мать, детей бросила, тяготилась ими, плакала, так от них устала, на колени перед иконами падала: «Не могу, не могу» – кричала, на работу променяла. Вот Господь и забрал.

– Что ж, забрал – это ты всё о детях. А про Гришку думала? Вы теперь вдвоём остались.

– Я не знаю, как мы будем жить...

– Будете жить. Послушай, сестра, не перебивай, что «тебе легко говорить». Мне со стороны виднее, а тебе горе глаза застит. Гриша – мировой мужик, я его с младенчества знаю, и этот мировой мужик любит тебя, дуру, хоть и бросившую своих детей. Да и ты его любишь, любого – богатого и бедного, трезвого и пьяного. У вас не всё потеряно! Ты, женщина, сделай первый шаг, как всегда делала. Что плакать, надо брать бремя и нести. Прости, что я так сурово с тобой, но, честно, мы с мужем переживаем за вас.

Глаша давно плакала в трубку, они с сестрой редко говорили откровенно по душам, а душа её действительно томилась, потому что только рядом с Гришей сейчас могла утешиться.

И она пошла к нему.

27

Как же получилось так, что горе, общее на двоих, супруги переживали по отдельности? Глаша долго думала об этом; после чтения вечерней псалтири они с мамой, иногда с папой, расходились по своим спальням, она шла мимо фотографии смеющихся малышей, пополнившую изначальный фоторяд в коридоре на втором этаже, и не смела её снять.

Все эти дни Глаша не ложилась в общую кровать, не заходила в бывшую детскую, хотя оттуда убрали и вынесли все ребячьи принадлежности. Она ложилась на диван в «средней» – так они с Гришей называли большую комнату – первые дни рыдала в подушку, то были слёзы ропота и жалости к себе, а последние несколько дней думала. Думать тоже получалось больно. Никому не смогла бы она толково объяснить, каким образом приходило к ней понимание, как Господь открывал ей её сердце и то лишь самую малость, чтобы она не возопила в ужасе от открывшейся бездны нелицеприятной истины.

Любила ли она? Всегда, и только себя: родители – для неё, Гриша – для неё, а дети требовали самопожертвования, самоотречения, требовали её любви, которой не находилось. Девушку растили, лелеяли, не жили – она придумала этим делиться, делиться чужим (если можно так выразиться о родных), своего не нажила. Все вокруг говорили: ах, как повезло Грише, какой выгодный для него брак! А она соглашалась,

пусть внутри, про себя, но соглашалась! Ещё бы: она такая юная, целомудренная, богатая! На самом деле всё наоборот: повезло ей. Кто сумел создать своё дело и поддержать отцовский бизнес? У кого хватило мужества уйти от прежней жизни, сладострастной и разгульной? Кто по ночам вставал к дочке, когда та плакала, а жена прятала голову под подушку? Кто откладывал пейзаж в сторону и шёл с детьми гулять? У неё же за эти четыре года их совместной жизни накопились одни обиды: быт заедает, свободного времени нет, надо мыть, готовить, учиться, работать, они нигде не бывают, мужа целыми днями дома не видно, выспаться невозможно и пр., и пр. Она восклицала: «Но почему так жестоко, почему не как-нибудь по-другому?» – и пронзительно понимала: по-другому нельзя, меньшим горем обида только б разрослась, а жалость к себе увеличилась, потому что слишком любила то, что ушло с детством. Ей отпустилось четыре года для обретения смирения, но Глаша их потратила на нытьё и слёзы. Господь забрал детей, оттолкнул Гришу – пожалуйста, живи как хочешь. А как она хочет? Она, наконец, хочет любить и быть любимой, хочет детишек и семейного уюта. Так мало? Сейчас это не казалось ей мало, сейчас это – слишком много. Программа максимум. Настало её время действовать. Жертвовать и унижаться. Все эти годы любовь подносилась подарком, теперь её надо зарабатывать. Гришу надо спасать. Она его понимала: ему сейчас не хочется жить. Он строил семейную жизнь – теперь её нет. «Помоги, Господи!» – шепчет

Глаша, открывая дверь в мастерскую (хорошо, не закрылся!), там – полумрак, но всё же видно, что кругом страшный беспорядок, а хозяин спит на своём разваливающемся диванчике. Глаша включает свет, проходит к иконе и затепливает лампаду, оглядывается по сторонам. Воздух спёртый, дышать тяжело, валяются краски и кисти, палитра не вычищена – видно, хотел писать и бросил. На столе – недопитая бутылка водки, чёрный хлеб, огурцы, ещё какие-то бутылки на полу. Сам одетый лежит, уткнувшись лицом в подушку. Глаша вздыхает, открывает дверь – проветрить, и принимается за уборку: мусор выносит, палитру чистит (чему только не научишься, живя с художником!), потом набирает в ведро воды и моет пол. В шкафу находит ещё одну бутылку, недолго думает и оставляет её на месте – у каждого должна остаться свобода выбора. Во время уборки Гриша пошевелился, приподнявшись, посмотрел на жену: «А, это ты...» – и опять упал на подушку. Глаша домыла пол, налила воды в раковину, умылась, села рядом с мужем, поворошила его волосы, потом взяла молитвослов и начала читать псалтирь вслух. Гриша заворочался – стало понятно, что он уже не спит. После первой славы сел, осмотрелся, без слов подошёл к раковине, подставил голову под струю холодной воды, прополоскал рот и через две минуты стоял рядом. Глаша передала ему псалтирь. Молились слёзно, с трепетом и умилением, при спазмах в горле сменяя друг друга – обоим казалось, что души их младенцев ликуют на небесах. Закрыв мо-

литвослов, Глаша повернулась к мужу, стараясь встретиться взглядом, но Гриша смущённо отвернулся: «Не смотри на меня... Я плохо выгляжу, я знаю...» Она не дала ему договорить:

– Гриша-Гришенька, прости меня, прости ради Бога. Только я во всём виновата, из-за моего эгоизма наказал нас Господь!

Гриша испугался:

– Да ты ни в чём не виновата, ты у меня светлая душонка – это я приношу несчастья. Всё из-за меня, из-за моего прошлого – видно, не сполна расплатился, оставил двух несчастных женщин – из-за меня нас Господь наказал.

Глаша всхлипнула, начала объяснять свои прегрешения, а Гриша – свои: и про Веру, и про Аделаиду – до сих пор он жене не рассказывал про них так честно и подробно.

Наконец, утомившись и утерев слёзы, Глаша решительно заявила:

– Хватит здесь холостякничать, пошли чай пить. Заварю свежий, с душицей, со смородиной, буду тебя отпаивать, – и чуть помолчав: – Готовить научусь, борщ там, котлеты и эту... утку с яблоками!

ЭПИЛОГ

Господь не оставил Гришу с Глашей, как не оставил Иова многострадального скорбеть без меры: почти через год у них родился сын, потом – дочь. Дети много слышали о своих по-

гибших брате с сестрой, оба стали врачами. Но это не всё. Ещё через восемь лет у них родились мальчишки-двойняшки и позже – дочка. Эта последняя девочка, появившаяся у родителей уже в весьма зрелом возрасте, выросла талантливой художницей – лебединой песней Гриши, который так ничего и не написал гениального. Глаша отреклась работать, посвятила себя семье и детям, но её желание ухаживать за стариками не осталось пустым – вскоре потребовался постоянный уход за бабушкой, да и у Татьяны Андреевны очень пошатнулось здоровье после смерти внуков. Старший сын Ильиных Семён, закончив школу и отслужив в армии, вернулся в Сучково, которое запомнилось счастливым детством, тут обзавёлся хозяйством, женился. Вероника, к сожалению родных, не вышла замуж, но родила дочь и изредка навещала вместе с ней родителей и сестру.